

18+

Трошальная
трелюдия

или

Трогулка под
дождём

НАДЯ
БИРРУ

Надя Бирру

**Прощальная прелюдия,
или Прогулка под дождём**

«Издательские решения»

Бирру Н.

Прощальная прелюдия, или Прогулка под дождём / Н. Бирру —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531245-7

Бывают люди необычной судьбы, наделённые загадочными способностями. Как происходит видение, каковы особенности таких людей, легко ли им нести их дар — об этом и о многом другом расскажет читателю эта книга. Один из героев уже знаком читателям по роману «С точки зрения...». Это Володя, теперь уже Владимир Николаевич — состоявшийся специалист в своей области, заведующий клиникой. Действие романа начинается с того, что к нему в клинику доставляют необычную пациентку...

ISBN 978-5-00-531245-7

© Бирру Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	7
ЧАСТЬ I ЗИМА	9
1	9
2	13
3	16
4	21
5	26
6	27
7	30
8	32
9	33
10	34
11	36
12	38
Часть II Весна	41
1	42
2	46
3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Прощальная прелюдия, или Прогулка под дождём

Надя Бирру

© Надя Бирру, 2021

ISBN 978-5-0053-1245-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обольщать! В огне этой игры

Сгорела частица моей жизни.

Луи Арагон

Ах, что за женщина жила

(Бог её помилуй) —

Не добра и не верна,

Жуткой прелести полна,

Но мужчин влекла она

Сатанинской силой

*

...то воеет бедный разум мой,

Как в ночь глухую волк голодный

*

— А может быть, она была слишком одинока?

— Глупости, она была окружена людьми, и все

Были переполнены к ней участием.

— А может быть...

*

Нет спора —

Безумье сильных требует надзора!

*

... Не советую вам впадать в отчаяние, ибо тем,

кто будет жить после нас, суждено увидеть ещё

худшее

*

... душевных наших мук

Не стоит мир

*

Я чувствую, что исчезаю постепенно. Это, может быть, смешно...

*

Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно всё, что против нас.

*

Нам было ясно, что мы пьём не за новое свидание, а прощаемся навсегда. Она говорила о каких-то таинственных заболеваниях, о скрытых силах звёзд, и я сказал ей, что не суверен. Однако угрожающие тени смерти уже лежали на её лице. Мне кажется, я увидел их...

*

ИБО ПРОШЛИ ГОДЫ, И НАСТУПИЛО ВРЕМЯ ИСПОВЕДЕЙ

Предисловие

От составителя, который не претендует называться автором

Я шёл к доктору и думал: он – единственный объективный свидетель, он один знает о ней правду. Но как спросить? Да и помнит ли он?

Всё разрешилось неожиданно просто: едва я вошёл в его кабинет, как на столе увидел маленький портрет – фотографию, размером с ладонь, вставленную в красивую деревянную рамку с подставкой. Несомненно, это была она. Я торопливо представился и, издав многозначительное: «О-о!», указал ему на портрет.

– Уточните ваш возглас, молодой человек. Что именно вас интересует?

Тон его, пожалуй, был чуть более насмешлив, чем это допустимо для первого знакомства, но я не возражал, меня манили лавры её первого биографа, и я сразу открылся:

– Вы знали её, она была вашей пациенткой. Теперь вы один можете рассказать о ней правду!

– Правда?

Он склонил голову на бок и взглянул на меня с интересом, после чего, что-то видимо решив про себя на мой счёт, изрёк:

– Одни склонны считать, что правда-де у каждого своя, другие уверены, что правда одна для всех времён и народов, а я вам скажу так: никакой правды нет вообще. Есть некий ряд перекочевавших к нам из древности заблуждений, одни из которых выгодны вам, но не выгодны мне, либо выгодны всем нам, либо невыгодны никому. Степень выгоды зависит от количества заблуждающихся... А теперь, молодой человек, конкретно: что именно вас интересует?

Я понял, что мой профессор немного слишком стар и немного слишком оригинален, но других источников у меня не было: люди, близко знавшие её, уже ничего не могли сказать, а те, которые могли, говорили такое... Впрочем, кое-что я записал для будущих поколений. Может, они сумеют разобраться в том, что пока недоступно нашему пониманию?

ЧАСТЬ I ЗИМА

1

- *Где ты?*
- *Я там, где ветер свищет.*
- *Где ты?*
- *Там, где никто не ищет.*

Наутро случилась оттепель. Ветки кустов, отягощённые мокрым снегом, никли к земле, влажные проталины жирно чернели вдоль домов. Улицы были пусты и тихи, только дворники разгребали снег широкими лопатами, да кричало вороньё. Кое-где в низинах осел туман, в котором сонно моргнули два жёлтых глаза приближающейся машины скорой помощи, надсадно завывла сирена, фиолетовое тревожное подмигиванье замелькало на снегу и вновь – туман, тишина.

Кто-то тихо поёт без музыки полушёпотом, почти речитативом:

Лето, прекрасное лето
С сонным холодным рассветом,
Лето, прекрасное лето,
С ночью белее дня.
Лето, прекрасное лето,
Как мне забыть всё это?
Лето, прекрасное лето,
Как мне прожить одной
Долгой зимой?

Лето, прекрасное лето,
Мягкое солнце и ветер,
Лето, прекрасное лето,
Хмурый, усталый вечер.
Лето, прекрасное лето,
Как мне забыть всё это?
Лето, прекрасное лето,
Как мне прожить одной
Долгой зимой?

В машине пострадавшая пришла в себя.

Её взяли по вызову из квартиры, позвонила соседка, услышавшая звон разбитого стекла. Имени своего она назвать не смогла, а соседка заявила, что женщину эту видит впервые и что в квартире живут вполне приличные милые люди, которые сейчас в отпуске, отдыхают где-то на юге. Врач скорой помощи заметил:

- Странное время для отпуска.
- На что соседка заявила:
- Сами вы странный! – и захлопнула дверь.

В больнице, после оказания первой помощи, ей поставили капельницу. Очень долго не могли отыскать вену, пульс прощупывался слабо.

– Ох, ёлки-молалки, совсем, что ли, некормленная? – удивился присутствовавший при этом санитар Алёша.

Женщина открыла глаза и резко потянула обе руки к лицу. Вставленная с таким трудом игла вырвалась и повисла. Лекарство закапало на пол.

– Ах, ты!

В это время быстрой походкой вошёл доктор.

– Владимир Николаевич...

– Ну, что?

Все вокруг взволновались. Раз **сам** пришёл, значит, случай особый.

– Очнулась. Вот, иголку вырвала.

– Что же вы, го-олубушка! Что же это вы делаете? – пропел доктор, взяв её худую, почти невесомую руку, и заглянул в глаза. – Виктор! – тут же резко окликнул он. Сзади неслышно подошёл Виктор и остановился за его спиной. – Взгляни.

– Да, действительно... – произнёс Виктор, всматриваясь в лицо больной. Она тоже поочередно смотрела на обоих.

– Ну, так как же вас, голубушка, зовут?

Владимир Николаевич был ласков, как отец родной, но при этом не терял времени даром – осматривал, ощупывал, стараясь делать это как бы между прочим, ненавязчиво. Она опять перевела взгляд на Виктора и совершенно неожиданно сделала губами странный, не вполне приличный звук. У медсестры Анюты приоткрылся рот, нянечка испуганно ойкнула, доктор посмотрел на Виктора, Виктор на доктора, больная же отвернулась к стене и закрыла глаза.

– Так, ну, отдыхайте пока, – разрешил доктор, поправил очки в тонкой металлической оправе и вышел так же стремительно, как и вошёл.

Новенькую до выяснения личности поместили в особый изолированный бокс с секретом, о существовании которого знали только самые-самые «избранные» люди наверху – сам доктор и парочка из его приближённых, так что, когда все разошлись, медсестра Аня осталась наедине с нею. Пользуясь тем, что больная лежала неподвижно, отвернувшись лицом к стене, Аня принялась её рассматривать, и чем дольше смотрела, тем острее чувствовала, что сердце её сжимается от немного позабытой жалости. Маленькое, предельно истощённое тело женщины почти не ощущалось под простынёй. Казалось, стоит дунуть посильнее, и складки легко опадут. Да и в вену она так долго не могла попасть только из-за этой неожиданной жалости. Так было, когда она совсем ещё зелёной девчонкой отработывала практику в детской поликлинике и первое время не могла попасть в серединку крохотного детского пальчика. Даже трудно понять, сколько ей лет – морщин не видно, но когда её только привезли, лицо у неё было старое-старое, и вся она какая-то всклокоченная, неухоженная, как бродячая собака. Синяки на лице и худощая вся в красных пятнах и царапинах. Прикрыть хотя бы. Аня осторожно коснулась женщины. Та резко обернулась и взглянула на медсестру. Аня едва не вскрикнула, прижала к себе руки и невольно закусила кончик воротника-стойки. На неё вдруг напал необъяснимый страх.

Позже, проходя по коридору, Владимир Николаевич застал девушку плачущей в углу под его кабинетом.

– Что случилось, Аня?

– Не знаю.

– А чего плачешь? Почему ушла с поста?

– Там сейчас Лена, я попросила её подменить...

– Ну, вот, значит, что-то стряслось. Кто-то обидел?

Главврач усадил девушку на диван, присел рядом, обнял за плечи. Анюта затихла, вся тревога разом куда-то улетучилась, на душе стало светло и спокойно – так бы и сидела, но Владимир Николаевич ждал объяснений. Анюта повозилась, повздыхала, а потом не очень ясно, но очень связно, но объяснила ему всё.

– Понимаете, у меня было такое чувство, что она на меня сейчас бросится и...

– Ну?

– Я не знаю... у неё глаза бешенные, как будто она всех ненавидит. Да! Жуткий взгляд, не как у человека, а как у зверя. Я видела, у меня ж, знаете, дядька охотником был. Давно ещё, когда я была маленькой. Мы в городе жили, а дядька с женой в деревне, там всего две улицы было. И все мужчины – охотники. А дядька мой – самый заядлый среди них. И я помню, как охотились они на волков, в тех краях волков много было, зимой их вой и в деревне был слышен. Сидишь, бывало, дома, а они во-оют. И вот они один раз поймали живьём самого матёрого, жоака. Скрутили. Он раненый был, лежит на снегу, а собаки вокруг лают, а сами видно и духа его боятся, тут и все охотники собрались, я тоже, конечно... Страшно, но интересно! И все рассуждают. А дядька Проня мой, он хоть и охотником был, а зверей по-своему любил, и любую собаку, самую свирепую даже, мог заговорить. Вот он стоит над этим волком – смотрит, смотрит. А все кричат: чего смотреть, кончай его, Гаврилыч! А дядька смотрит, ещё ближе подошёл и смотрит, а потом спрашивает: «Что, дружище, помирать неохота?» А этот волк – он же постреленный и знает, что сейчас его убьют, звери это прекрасно чувствуют, – но он так взглянул в ответ, как будто это не он, а дядька лежит перед ним и ждёт своего конца. Такой вот волчище попался! Тогда дядька загнал собак, а волка того отпустил – только след кровавый на снегу остался. Кто-то ещё хотел по этому следу... кричали...

– Ну?

– Ну, и ничего. Дядька мой – он же лучший охотник был, авторитет, его слушались. Покричали и разошлись. Но это ещё не всё. Потом, той же зимой, дядю Проню загрызли волки, а люди потом говорили, что жоаком у них был тот самый, подстреленный, что дядька тогда отпустил.

Они недолго помолчали, и доктор спросил:

– Устала ты, Анют? Устала.

Анюта закивала, чувствуя на своём плече мягкую и ободряющую руку.

– А что поделаешь, девочка, работа у нас такая. У нас хоть персонала хватает, а в других больницах знаешь, как?

– Нет, что вы, Владимир Николаевич, мне здесь очень нравится. Это я так просто.

– Вот и хорошо, что так. Про дядю своего ты интересно рассказываешь, земля ему пухом, а про больных ничего придумывать не надо. Надо лечить. Наблюдать. За новенькой особенно. Человек несколько раз пытался свести счёты с жизнью, разными способами, и всё-таки удержан. Значит, человек этот ещё нужен здесь, на земле. Надо помочь.

– Тогда я пошла.

– Иди, моя хорошая.

Виктор уже переоделся и сидел в кресле в своей любимой позе – одна рука перекинута через спинку кресла, вторая что-то отыскивает в густой шевелюре.

– Что-то, добрый молодец, ты не весел, что-то ты голову повесил.

– Да вот привязалось: целый день пытаюсь вспомнить, где я мог видеть это лицо. У меня такое впечатление, что я её уже где-то видел, а вспомнить не могу.

– Да? – живо обернулся Владимир Николаевич. – Знаете, Витя, у меня почти то же самое, только я, кажется, уже «вспомнил», но это – моё личное, вам не подсказка.

– Странно...

– Не особенно. Бывают такие лица, которые кажутся знакомыми. Я, кстати, не от вас первого слышу. Наша няня утверждает, что видела её по телевизору в каком-то фильме, только без синяков. А?

И Владимир Николаевич негромко рассмеялся.

– Скажите, профессор, а что это вас так удивило в ней в самом начале?

– Как, я разве не сказал? Глаза. У неё были рыжие глаза, даже жёлто-рыжие, как кленовый лист, если смотреть сквозь него на солнце, причём, заметно это было не всегда, а только при ярком свете, и только в первый раз, потом к этому как-то быстро привыкаешь.

– Рыжие? Я не заметил. Ну, и что?

– А я обязан замечать всё, я врач. А вы, скажите, никогда не увлекались теорией о том, что все наши внутренние качества и свойства органично связаны с внешними и находят в них своё выражение? Иногда в весьма своеобразных формах, то есть внешняя особенность – это следствие особенности внутренней.

– Нет, теориями не увлекаюсь.

– Никогда не встречал такого необычного цвета глаз, как у неё. И вряд ли ещё встречу.

2

Всё дороги, дороги, вагоны, купе, паровозы, самолёты, аэровокзалы. В физическом смысле не стоять на месте легче, вот и мчимся куда-то... от себя? К себе?... Зима. Зима, крестьянин, торжествуя... Вот, так всегда – найдётся один, который торжествует. Кому-то всё-таки надо, кто-то всё-таки заинтересован в том, чтобы люди мучились, страдали, родились и умирали... тот, кто придумал паровоз. Придумал, а на тот свет отправился пешком. Да, на тот свет отправляются пешком.

По коридору прошёл доктор. Его низкий бархатный голос долетал во все палаты. Медсестра Верочка на цыпочках подобралась к двери и замерла. Была она стройная и ладная, как молодая кобылка.

– Опять мимо! А уже скоро обход заканчивается. Вам всё равно, конечно, а мне бы сегодня домой пораньше. Завтра свекровь приезжает, а у меня ещё не намыто, не наготовлено. Ох, как я завидую этим больным. Хотят, лежат себе, хотят, в окно смотрят, а тут целый день крутись, крутись, как белка в колесе, вставай в пять часов, вот возьму и...

– Доброе утро!

Доктор. Вот он стоит на пороге – высокий, широкоплечий, атлетического сложения мужчина из тех, что в зрелом возрасте выглядят ещё интереснее, чем в молодости. Седые кудри уложены так, как будто он только что посетил салон парикмахера. Спокойные черты красивого мужественного лица. Небольшой, чётко очерченный рот. Доброжелательная улыбка. Скрытый блеском очков взгляд – глубокий, наблюдающий, цепкий. *М-да, будет нелегко.*

– Ну, как мы себя чувствуем? – спрашивает он, что-то отмечая в своих бумагах и не глядя на пациентку. *Шалишь, старый волк, если ты «зацепил» меня, значит, и я «зацепила» тебя, иначе не бывает, меня ты не проведёшь!* – Знаю, знаю – «мы» и «голубушка» вам не нравится. Так? А как же прикажете вас называть? – *Наконец-то взглянул, удосужился.* – Опять молчите?

Он пересёк комнату и присел на краешек кровати.

– Ну, что ж, как хотите... Буду называть вас Наташей, да? А может, лучше Лизой?

Она медленно перевела взгляд с окна на него – сначала на лоб, потом на нос, потом – в глаза. Он снял очки.

– Я пока не требую ваших ответов – мягко сказал доктор, проводя рукой у неё перед глазами, – но вы должны быть готовы к тому, чтобы рассказать мне всё. Всё, о чём я найду нужным вас спросить. Я должен установить причины, иначе мне будет трудно вам помочь. У меня большой опыт, который говорит о том, что, если человек чего-то не хочет, в этом всегда кто-то виноват.

Хотите знать, кто?

Пашка, просто Пашка.

Я ещё жду, но напрасно. Сейчас поезд тронется, я сяду в вагон и перестану ждать. Темно и мокро. Весь снег растаял. Сейчас, наверное, скользко бежать.

– Девушка, заходите в вагон. Мы сейчас отправляемся.

Будто в подтверждение этих слов длинное тело поезда передёрнулось.

– Вот видите, – улыбнулся проводник, но та, к которой он обращался, ничего не отвечала и не реагировала. Был он высокого роста и настолько хорош собой, что ничуть не расстроился.

Вагон оказался почти полностью детским, взрослые занимали только боковые места. Все дети были одеты одинаково – в новенькие спортивные костюмы, – и одинаково громко гал-

дели, но возраста были разного. Во втором купе, например, расположились четыре девочки лет двенадцати.

– А как вас зовут? – хихикая, спросили они у проводника, когда тот проходил мимо.

– Костя, – ответил он и в свою очередь узнал, что юные пассажиры – воспитанники интерната и не просто воспитанники, а лучшие, за что их поощрили поездкой в Киев, где они жили в красивом загородном «готеле» и каждый день ездили на экскурсии. Девочки были милы, болтливы и обаятельны в той мере, в которой способны быть обаятельными только двенадцатилетние девочки, временно оставшиеся без присмотра и вообразившие себя самостоятельными.

Костя легко включился в их незамысловатую игру, а когда случайно посмотрел в окно, чуть не ойкнул.

– О, уже поехали! Тогда, красавицы, я ненадолго покину вас. Пора собирать билеты.

Когда проходил к своему купе, краешком глаза заметил – эта уже сидит на своём месте, как раз напротив девочек, и, положив голову на руки, смотрит в окно. А чего смотреть? Там темень, ничего не видно, да ещё снег пошёл – то ли снег, то ли дождь.

У ребят из интерната был групповой билет, что значительно ускорило процедуру. С ними ехали две воспитательницы – одна уже в возрасте и толстая, как мельница, а вторая ничего себе, двадцать с чем-нибудь, фигуристая и румяная. Когда Костя подошёл, она премиленько улыбнулась и – выронила билет. Они разом наклонились и столкнулись лбами. Мельница закудала, заколыхалась всем телом, даже не поймёшь – смеётся или плачет от сочувствия. А молоденькая смешалась:

– Ох, извините – и опять улыбнулась. В вагоне потеплело. Ещё бы, сразу видно, что девочка славная и без «крючков». Было у Кости такое определение: «с крючками» и «без крючков», как нет и да, чего яснее. Это его один морячок научил. Тогда в первый раз и случилось, что тот бывалый морячок отколол двух недурственных девиц. Поговорили, выпили... После, когда девицы отправились спать, морячок сказал: «Славные девочки, без крючков. Бери – не хочу!» и засмеялся. Так вот с тех пор Костя это определение и усвоил и частенько им пользовался. А что такого? Дорога дальняя, скучная, а проводник должен быть всегда в духе – и когда ругают, что бельё сырое, и когда в вагоне холоднее, чем на улице, а в ресторане кушать нечего. А где лучший способ поднять настроение? Посидишь вечерком, когда все прочие пассажиры уже уgomонились, поговоришь, побалдеешь. Отлично! А которые сами слишком балдёжные, тех Костя мог мигом усмирить. Он вообще не любил прилипчивых девчонок, а с его внешностью ему чаще приходилось обороняться, чем «клеить».

В самом конце вагона, где расположились старшие из интернатских ребят, несмотря на слабое освещение, Костя приметил пару симпатичных мордашек, но присматриваться к ним не стал – не было охоты, да и какой резон – они ж поднадзорные. Ну, и почему-то занимала его та девушка у окна. Когда он возвращался, она сидела в прежней позе. «Похоже, ревёт», – подумал Костя не без издевки. Хотелось хлопнуть по плечу и тыкнуть, но в последнюю секунду передумал – коснулся пальцем и как можно отстранённее произнёс: «Ваш билетик». Билет уже был у неё в руке. Она протянула, не глядя, и опять опустила голову.

– А ручки у вас не будет?

Опять замедленные, как бы не совсем осознанные движения, безмолвный кивок в его сторону – ручка на столе. Костя сел напротив, что-то нацарапал на билете.

– У вас нижее? – спросил он, возвращая ручку.

– Верхнее.

– Можете спать внизу, я по...

Наконец-то она на него взглянула. Любезная улыбочка исчезла с Костиного лица. Он встал, пошёл к себе. Потом вышел в тамбур, чтобы подбросить угля в топку, но здесь остановился, уставясь в темноту за окном, но видел иное: отчётливо, как в зеркале, видел её лицо, будто и она стояла здесь, за спиной. Бр-р! Зябко передёрнулись плечи. Лицо медленно рас-

таяло, и остались одни глаза. И не было в них никаких слёз. В них вообще ничего не было, кроме резкой холодной насмешки, даже не насмешки, а усмешки, преисполненной презрения, а может и не презрения, но чего-то обидного, жуткого, неприятного. Главное, за что? Ладно бы приставал или был пьян, а так... Что он ей сделал? Место лучшее предложил? Теперь ещё бельё выдаст, а завтра чаем напоит, а она... Обидно всё-таки.

Конечно, давно уже всё до лампочки, но только не сейчас. Сейчас несколько минут или часов (посмотрим, насколько меня хватит) я буду думать только о тебе. Почему ты не любишь прощаться? Почему ты куда-то спешишь, когда остаётся так мало, мало, мало, совсем мало мгновений вместе... Почему? Я что-то хотела спросить у тебя напоследок, что-то очень-очень важное, не помню. И тебе, как мне показалось, что-то было нужно от меня, а ты убежал.

Дождь, дождь, опять дождь. Ночь. Тебе не жалко? Я еду в пустоту.

Знаешь, мне кажется, ты всё ещё стоишь на перроне под дождём и смотришь в ночь. И ждёшь. Ты очень терпеливый. Ничего, теперь уже недолго...

Не верь мне! Я не вернусь!

Из записок врача:

Сегодня на обходе Лиза была особенно плоха. Лежит безучастная, страшная в своей худобе, с полуприкрытыми глазами. Взгляд не выражает ничего, но глаза ясные. И светлые – удивительный, какой-то неестественно рыжий цвет. Она была в сознании, можно было добиться ответа на вопрос, если спрашивать настойчиво. Во взгляде – лёгкое удивление, можно понять: «Что вы спрашиваете такое несуразное?»

Никаких желаний.

Так хочется вдохнуть в неё жизнь. Чувствую, что хороший человек. Держу в отдельной палате, постоянно дежурит сестра. Есть такое слово у реаниматоров – «уходит». Оно появилось недавно, и я не могу привыкнуть к его тайному смыслу.

3

Когда подвальный оранжевый свет сменился фиолетовым, ночным, Костя решил ещё раз пройти по вагону. Милые детки уже посапывали в две дырочки. На столе у знакомых девчушек лежал журнал с кроссвордами – «Пассажирам в дорогу». В конце вагона слышался виртуозный храп пожилой воспитательницы. Да, а этой «с крючками» что-то не было видно. Бельё лежит на сидении, и столик ещё даже не опущен. Костя пошёл дальше. Те симпатичные девицы, которых он заметил в самом начале, играли с парнями в карты и возбуждённо смеялись, мешая спокойствию окружающих. Костя напустил на себя строгость.

– Девочки, а не пора ли вам пора? – спросил он и дал одному из близ сидящих пацанов лёгкий подзатыльник. Внушение подействовало. Весёлая компания распалась. Мальчики резво заняли верхние полки. Одна из двух девиц весьма недвусмысленно строила глазки. Костя отвернулся и натолкнулся глазами на ту: «крючковая» девушка в белом свитере и синих трико стояла у раскрытого окна, из которого ей в лицо ветер сыпал то ли снежинки, то ли капли дождя. Лицо и волосы уже успели увлажиться, а она стояла, будто ничего не чувствовала. Не грустная, но такая задумчивая, что эта задумчивость вызывала невольное сочувствие. Костю, смотревшего на неё через стекло, она не замечала. Тогда он вышел, ещё не зная, что скажет ей, но с самыми добрыми намерениями. Она обернулась. В ту же секунду задумчивость сменилась пылким, самым чистокровным гневом. Не проронив ни звука, она сорвалась с места и исчезла в противоположном конце коридора.

Костя постоял немного, закрыв окно, на минутку приоткрыл дверь в туалет и глянул на себя в зеркало: в лице его не было ничего, способного вызвать столь сильное раздражение. Он озадаченно пожал плечами и решил про себя, что такой странной пассажирки ему ещё видеть не приходилось. Когда он возвращался, она уже спала или делала вид, что спит. Во всяком случае, она лежала, отвернувшись к стене, и из-под простыни торчала только тёмная макушка.

После ночного дежурства Аня вошла в кабинет главврача и взволнованно сообщила:

– Владимир Николаевич, она заговорила!

– Кто?

– Ну, эта...

– Эта Лизавета?

Но обычно смешливая Аня не восприняла его шутку.

– Что же она говорит? – посерьёзnel и Владимир Николаевич.

– Она... она мне всю ночь рассказывает какие-то ужасы – про вампиров, что они на самом деле, что им кислорода...

– Анют, если ты будешь так тараторить!.. Не делай страшные глаза, сядь и расскажи всё по порядку. Что там ещё за вампиры?

– Да! Она говорит, что есть люди, у которых в крови кислорода не хватает и тогда они... чужую и ещё, что когда она ещё не родилась, а была в утробе, её маму ударило током, и с тех пор она ток притягивает... электричество то есть, и ещё про какой-то саксафон и загробное знание, ну, это я уже совсем не поняла, и...

– Так-так. Очень интересно. Значит, заговорила, – Владимир Николаевич остановился у окна и принялся барабанить пальцем по подоконнику. Аня на цыпочках направилась к двери. – А почему именно с тобой?

– Н-не знаю.

Владимир Николаевич обернулся и взглянул на неё весело.

– Иди-ка, Анюта, домой, хорошенько выспись. Вот так вот, моя хорошая.

Звуки его голоса действовали успокаивающе. Аня послушно направилась к двери, но, покидая кабинет, вспомнила ещё что-то.

- Ну? – спросил доктор.
- А ещё у неё в книге появилась закладка – какая-то фотография.
- Фотография? Что за фотография?
- Ну, там какой-то мальчик в лесу. Я спросила: откуда?
- И что?
- Она говорит: за батареей нашла.
- За батареей, – он, казалось, думал о чём-то своём.

– Да, она так сказала, но ведь там же каждый день убирают. И с собой у неё не было – ведь все вещи осматривали и книгу тоже – страничку за страничкой, – Аня опять сделала «страшные» глаза и добавила уже почти за дверью, понизив голос: – Владимир Николаевич, я её боюсь...

Пришло утро, и начался обычный вагонно-пассажирский день. Для проводника Кости он начался с того, что рано утром к нему в купе просунулись две взъерошенные мальчишеские головы, и один из них, кажется, тот, что схлопотал вчера по затылку, спросил шёпотом:

- А это... куда нам пустые бутылки девать?
- А что – горит?

– Что горит? – не понял мальчишка и оглянулся на товарища. У Кости не было охоты объяснять, и он сказал:

- Ладно, тащите сюда.

Пацаны кивнули и скрылись на мгновение, возникнув тут же (Костя успел только спустить на пол ноги) с тремя пустыми бутылками. Костя взглянул и сразу понял причину столь раннего визита: бутылки были из-под пива.

- Ай-я-яй, подрастающее поколение, – укоризненно произнёс он.

– Ну, и ничего, мы же не алкоголики, – заявил второй пацан. – Вы только Зинаиде Матвеевне не говорите, а то она нас живьём сожрёт.

- Могила, мужики, – пообещал Костя.

Сон уже улетел. Пришлось прибраться в купе и заняться заботами о ближайшем будущем своих пассажиров.

Когда в вагоне наметились первые признаки пробуждения, в топке уже краснел уголёк, вода вскипала, стаканчики и ложечки были готовы к употреблению.

Днём девочки разгадывали кроссворд. Костя пристроился к ним.

- Так, так, – говорила та, которой удалось первой завладеть журналом.

– Ты не мычи, а читай, – советовала другая и, между делом, попыталась выхватить журнал у первой, но неудачно – та размахнулась, хлопнула её по макушке и прочитала:

- Ночная птица.
- Сова.
- Нет, это короткое.
- Филин!
- Ну, короткое, говорят тебе!
- Летучая мышь! – выпалила девочка с голубым бантиком.
- Так нельзя, – вразумили её остальные, – нужно, чтобы было только одно слово.
- А если просто летучая?

Та, у которой был кроссворд, тихонечко посчитала и объявила:

- Подходит.

В этом месте Костя непременно бы вмешался, если бы не был так увлечён наблюдением за давешней девушкой. Она сидела на разобранной постели, укрывшись простынёй, и читала книгу.

- Теперь... средство передвижения по болотистой местности. Этот... ну, как его?
- Вездепроход!
- О, я только хотела сказать!

Девушка перевернула страничку и взглянула на Костю. Лицо её было приветливым, она даже улыбнулась, но не губами, а глазами. Вчерашнее показалось дурным сном. Костя ответил улыбкой, но она уже отвернулась к окну. И почему это пассажиры так любят смотреть в окно? Смотрели бы лучше друг на друга, ведь может, больше никогда в жизни не встретятся, а то, что за окном, каждый рейс одинаково. Эх, девушка, девушка.

– Средство для выведения пятен грязи, жира, – читала теперь уже другая, потому что прежней надоели постоянные упрёки и советы. Теперь она забралась на верхнюю полку и с напускным безразличием следила за тем, как будут развёртываться дальнейшие события.

- Ну, думайте, думайте!
- Чего ты, Леночка, раскомандовалась? «Думайте, думайте»! Сама тоже думай.
- А и думаю.
- Ещё раз прочитай!
- Средство для выведения пятен жира, грязи.
- Тряпка!

Это крикнул маленький мальчик, которого всё время прогоняли. Он выглянул из-за перегородки соседнего купе и спрятался опять. В девичьем купе поднялась волна протеста.

- Сам ты, Ситников, тряпка!
- Полотенце ещё скажи.
- А по буквам подходит, – сообщила Лена.
- Да-а? Ситников, ты что – в ответ подсмотрел?
- Никуда я не подсматривал, – промычал Ситников из-за стенки, – я тоже играть хочу.

Костя не мог сдержать смеха, положившего конец перебранке: девочки тоже засмеялись, а Ситников, решив, что настала его минута, как маленькая обезьянка, перебрался к ним и, улыбаясь во весь рот, устроился посередине.

Возня с кроссвордом подзатянулась, а девушка явно скучала и не знала, как убить время. Костя развернулся к ней.

- А вы, по-моему, ещё не завтракали. Хотите кофе?
 - А здесь что – ресторан?
 - Нет, но если пассажирам комфортно, то и проводнику хорошо.
 - Спасибо, пока не надо.
 - Вы у меня, кажется, до конца едете?
 - До конца... И с начала.
 - Ну, такая долгая дорога. Если что-нибудь понадобится, смело подходите ко мне.
- Девушка тихо улыбалась. Это было хорошим знаком.
- Меня, между прочим, Костей зовут. А вас?
 - А зачем?
 - Ну, интересно, знаете... такая девушка...

Неожиданно она рассмеялась – негромко, но от души.

- А что вы скажете, если этой девушке вот-вот исполнится тридцать?
- Тридцать – вам? Ни за что не поверю!
- Так это же ничего не меняет.
- Вот именно. Если уж на то пошло, то тридцать лет для женщины – самый рассвет.
- Неужели? А сам даже побледнел.

Глаза её при этом блеснули таким лукавством, что Костя счёл себя одураченным и пошёл на прорыв.

- Слушай, – сказал он, пересаживаясь поближе, – а ты случайно не заливаешь?
- Надо показать паспорт?
- Покажи!
- Был бы с собой, показала бы.

Для Кости наступила полная ясность, и он сразу повеселел. Бойкая девчонка, с такой не соскучишься. Он наклонился к ней, разглядывая в упор, подмигнул и спросил:

- А может, подруга, у тебя его вообще ещё нет?

Спросил – и моментально понял, что переборщил: улыбчивая девчонка исчезла, а вместо неё появилась немного рассерженная и немного утомлённая его болтовнёй женщина с холодным прищуренным взглядом и язвительным ртом. Костя понял, что этот раунд он проиграл. Оставалось красиво удалиться. В это время, как нельзя кстати, мимо проществовала мельница и замерла возле его купе, чего-то высматривая там с недовольным видом.

– А где проводник? – протрубила она, хотя Костя сидел в нескольких шагах прямо по направлению её взгляда.

- Я здесь, – отозвался он. – Что вы хотели?
- В нашем туалете не идёт вода.
- Не может быть. Пойдёмте посмотрим.

Пассажиры, наверное, томятся во время долгой дороги, вот и придумывают себе занятия, в том числе поиски неполадок, благодаря чему день для Кости пролетел незаметно.

Когда подкрался вечер, в вагоне похолодало, начались умеренные жалобы, и Костя вновь занялся топкой. А виновата была погода. По мере того, как поезд приближался к Ленинграду, а Киев медленно отступал во вчерашний день, становилось всё холоднее.

Как ни странно, на этот раз дети утихомирились рано. Этому, наверное, способствовали заботы пожилой воспитательницы, недаром она ходила взад-вперёд по вагону и трубила, как паровоз. Косте удалось услышать кусочек её воспитательной беседы: «Что вы верещите, как тёлки! Кругом люди. Что о вас подумают? В соседнем вагоне едут иностранцы. Позор на весь Советский Союз!» Вот так. И телевизора не надо. И ещё потеха! По поезду опять прогуливаются «глухонемые» ребята с товаром (всякими картинками от божественных до порнографических – на любой вкус). А что? И проводнику доход, и пассажирам веселее. А потеха заключалась в том, что эта толстая воспитательница купила себе пособие «Гадание по руке» и весь вечер изучала свою лапу, пытаясь проникнуть в тайну своей судьбы. Вокруг собрались ребята-тишки. Она и тех осчастливила своими предсказаниями, а потом предложила погадать этой девушке. Видно, необычная пассажирка привлекала не только Костино внимание. Костя слышал, как та долго отнекивалась, но потом, видно, согласилась, и полились предсказания ново-явленной хиромантки.

– Вы, деточка, не пугайтесь, но по руке выходит, что вас на жизненном пути подстерегает сумасшествие. Видите, вот тут звёздочка? И счастья, и несчастья – всего у вас вдоволь, прямо не жизнь, а целая поэма борьбы и страстей. А вот тут крестик – трудная старость... только тут же и вверх развилка, удача, как следует и не разберёшь. Ещё... ой, да вы дитя солнца! У меня Вадик вот тоже дитя солнца. Вадик!

К ним пробрался худенький черноволосый парнишка лет тринадцати. Его взгляд из-под густых бровей светился сообразительностью. Девушка улыбнулась ему так, словно он ей кого-то напоминал. Мальчик тоже смотрел на неё во все глаза и улыбался. Он, похоже слышал, о чём шла речь, потому что сообщил:

– И у меня звезда, как и у вас. Дайте-ка, – он осторожно взял одной рукой её тонкую кисть. – Точно! Вот посмотрите? У меня тоже. Ну, раз и у вас!.. Вы не бойтесь, мы с вами с ума не сойдём!

Вокруг послышался смех. Вадик насторожился, но сообразив, что это – одобрение, засмеялся сам. И она засмеялась.

И сейчас, проходя по уснувшему полутёмному вагону, Костя как будто слышал этот смех – мелодичный чистый смех обрадованного ребёнка.

В эту ночь он долго не мог уснуть: то ему казалось, что слишком сильно дует из окна, но укрывшись, начинал мучиться от жары, а когда почти уже наступила минута блаженного сонного успокоения, из темноты одинокой свечкой вспыхнуло её лицо – и опять сон отскочил испуганно, и всё началось сначала – холод, жара... Потом наступило утро, а с ним возня в вагоне, скрип переводимых стрелок, чехарда с бельём.

Седьмой час. Белёная мгла. Вышел на перрон. Холодный ветер стремился забраться за шиворот. Костя стоял в форменном пиджаке, без фуражки, но холода не ощущал.

– До свидания, спасибо!... До свидания! – прощались ещё не совсем проснувшиеся ребята, и тянулись, тянулись без конца. Потом выкатила мельница и вторая воспитательница, пересчитали детей. Отхлынули, смешались с толпой. А вот и она. Шапочка, шарф, до половины скрывающий лицо. И не узнаешь! Только глаза – мерцающий, загадочный взгляд, точно зовущий следом. Да, нескоро позабудет он эти глаза.

– До свидания, Костя, – сказала она и, наверное, улыбнулась, жаль, губ не было видно.

Он пробурчал что-то и отвернулся, а потом долго смотрел ей вслед.

А что ещё прикажете делать?

4

– Аня, а вы любите зиму?

– Я?

Снег, снег и снег. «Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья...» Красиво всё придумано!

– Здорово всё придумано, Анечка! Всё в природе бессмысленно, и только человек наделён разумом для поиска смысла... смысла всего, что бессмысленно...

– А?

Снег да снег кругом. Раньше я любила снег. Раньше я любила... когда всё это было, я даже позабыла, совсем я позабыла, когда я снег любила... Ох, какая глупость! Ну, чего она, дура, долбит? Долбит и долбит? Вот ещё одна прилетела. Или это он? Как-то их надо различать по чёрной полоске. И кто додумался повесить сюда это сало? Конечно, люди не умнее птиц. Тоже долбят. Долбят и долбят. Как мне всё надоело!

– Аня, что вы всё время ходите, как маятник? Всё время ходите туда и сюда!

Аня пожала плечами и села к окну вязать.

А вот и доктор. Остановился за дверью и с кем-то разговаривает.

– Ну, как поживаем? А синячки уже позеленели, значит, идём на поправку. А настроение как? Тоже зелёное?

Это, надо понимать, он так шутит.

– Сегодня будем говорить? Или молчать? Присядьте-ка. Вот так. Смотрите сюда. Хорошо. Умница. Ну, и как же вас называть, мы в прошлый раз так и не выяснили.

Он, видимо, был в прекрасном настроении – так весь и лучился от кончиков ботинок до белоснежной своей головы. Даже прикосновения его были не осторожными, как прошлый раз, а властными, энергичными.

– Доктор...

– Да-а? Меня зовут Владимир Николаевич.

– Доктор, а когда у вас появилась седина?

– Седина? – стетоскоп выскользнул из его руки и с глухим звуком упал на пол. Аня бросилась поднимать.

– Ничего-ничего, спасибо. Седина?.. А что?

– А у меня в восемнадцать... Называйте меня Эсмеральдой, – добавила она и уставилась в окно, как будто не было здесь больше никого, как будто не её тела касались умелые руки доктора. А за окном падал снег, и бойка синичка терзала прикрученный проволокой к подоконнику кусочек сала.

– И уберите отсюда эту кормушку, не то я разобью окно молотком и буду сыпать соль на хвост этим зловредным тварям.

– А где вы возьмёте соль и молоток?

Она хмыкнула, скосила глаза и не ответила.

Владимир Николаевич вернулся в свой кабинет, бесшумно прошёл по ковру и сел в кресло, мягко и задумчиво поворачиваясь из стороны в сторону. М-да. «Доктор, а когда у вас появилась седина?» Как слепо и безжалостно ткнула она в самое больное место. Да, не со зла, ничего не зная, но боль от этого не меньше... Как свежа ещё рана! Марина, девочка моя... Сняв очки, он долго тёр глаза и переносицу. Старею... Раньше я лучше владел собой. Раньше я бы и бровью не повёл, а сейчас... и стетоскоп пострадал. Впрочем, дело не в вопросе, нет, дело не в вопросе...

Немного подумав и покачавшись в кресле, Владимир Николаевич тяжело вздохнул и вызвал Виктора.

Виктор Ильич явился сразу, точно ждал вызова за дверью.

– Проходил мимо, как раз собирался пообедать.

– Я не задержу, присядьте на минутку, сейчас пойдём вместе... – сказав это, он замолчал надолго и задумался, точно забыв о Викторе. Выждав достаточно и с сочувствием глядя на погружённого в размышления шефа, Виктор спросил, наконец:

– Что, тяжёлый случай?

Доктор встрепенулся.

– Это странно, Витя, странно и не очень приятно. Я вынужден сказать это кому-нибудь... Дело в том, что по непонятным причинам эта пациентка, эта Лиза Никольская, напоминает мне мою покойную жену.

– Анечка, а хотите я вам сказку расскажу?

– А Владимир Николаевич...

– Жили-были, Аня, мальчик и девочка. У них было много друзей. Целыми днями они бегали вместе, играли, и всем было очень хорошо. Так они жили – весело, очень весело, а потом девочке пришло время уезжать – надолго или навсегда, этого она не знала, и никто другой не знал. И вот собрались они все вместе в маленьком домике, в такой рыбацкой хижине на берегу быстрой речки. Речку было видно из окошка, а называлась она И-путь. Как всегда, они пели, играли в разные игры, веселились, только мальчик сидел один на железной кровати лицом к стене и смотрел в окно. И был он грустный-прегрустный.

– Почему ты не играешь с нами? – крикнула девочка и подбежала к нему. И тут она увидела, что он не просто сидит на кровати – он прикован: обе его руки скованы цепью, которая прикреплена к кровати, а кровать прикручена к полу, как в тюрьме. Девочка испугалась и стала плакать, потому что ей очень было жалко мальчика, и она не понимала, за что его посадили на цепь. Сквозь слёзы она услышала вдруг голос, который произнёс: «Навеки приговорённый». Тут начался дождь, и всем стало грустно. Это означало, что настал час расставания. Девочка вышла из хижины, друзья отправились её провожать, а мальчик остался один, прикованный цепью. Но когда девочка обернулась, она увидела, что он стоит на пороге, машет ей рукой, а вокруг него летают и перекатываются по земле большие разноцветные воздушные шары. Мальчик взял один шар и бросил его ей, при этом он что-то крикнул, но девочка не поняла – шумел дождь, он шёл всё сильнее и сильнее, и ничего не было видно вокруг – только солнце и серебряные нити дождя. А когда дождь перестал, никого не было рядом – все исчезли, только большой красный шар блестел у неё в руках. На нём была какая-то надпись, немного размытая дождём. И сквозь слёзы девочка прочитала: «Я тебя люблю».

Она замолчала так же неожиданно, как начала. Она уже не лежала – сидела, подперев спину подушкой, и смотрела куда-то мимо Ани, покусывая ногти. Ане же сидела так, как будто всё ещё продолжала слушать.

– А что дальше? – спросила она, не меняя позы и не переводя взгляда. Голос рассказчицы, да и сам рассказ, который так неожиданно начался и так же неожиданно оборвался, странно подействовали на Аню: она погрузилась в оцепенение, в то время как перед глазами ясно проплывали картинки прикованного мальчика, плачущей девочки, грибного дождя и красного шара, точно она спала и видела яркий сон.

– Дальше? – переспросила больная, деловито поправляя постель. – А что должно быть дальше? Это ведь сказка, а не роман с продолжением.

– А мальчик? Он так и остался сидеть в этой хижине?

– Не думаю. Скорее всего, он вырос и без труда порвал эту цепь – она ведь, наверное, была игрушечной.

– А девочка?

Она снова улеглась, укрылась одеялом под самый подбородок.

– Девочка? Она перед вами, – и закрыла глаза.

– Ну, к тому времени мы уже знали, кто она, хотя сама она, кроме вымышленного имени – Эсмеральда, – ничего сообщить не пожелала. Она всё время напряжённо думала о чём-то, сама поставила себе диагноз: отвращение к жизни. Но у таких людей обычно пропадает чувство юмора, а эта особа даже шутила сама, чем завоевала расположение медперсонала.

– И ваше?

– Моё?.. Давайте не будем торопиться. Спешить надо медленно, как говорили римляне.

– Владимир Николаевич!

– Да, Анюта!

– А она мне сказки рассказывает... Я думаю, что это, может быть, и правда, а может, это её сон.

– Сон? Очень интересно! Вы записали, как я вас просил?

– Конечно, я всё записываю, как вы и просили. Вот.

– Спасибо, Анюта! Цены вам нет! И мы с вами вместе спасаем человека.

– И спасём?

– Обязательно спасём, милая.

Дверь приоткрылась неслышно, не рывком, как всегда, и Владимир Николаевич вошёл тоже как-то не совсем обычно – боком, что при его солидности выглядело смешным, но смеяться было некому – его не замечали.

*Все тайны мира, вселенной придуманы человеком. Тайна – это не объективно существующая вещь. Тайна подразумевает существование стремящегося её разгадать. Если бы не было человека, то не было бы и тайн. Сама вселенная мало интересуется собственным устройством, потому что он бесполезен, её интерес, если бы таковой и появился. Человека же всегда окружают тайны, потому что он слишком много на себя берёт. Зная лишь крупицу того, что можно узнать, он стремится изменить всё сущее. В разгадках тайн – мироздания, бытия – человек ищет смысл и оправдание своего собственного существования. Тайна – миф, она существует только до тех пор, пока существует человек, интересующийся ею. Значит, и смысл жизни – это миф, выдумка, и жизнь человека имеет оправдание только в его собственных глазах. С точки зрения вечности люди бесполезны. Может, даже вредны. Хотя... природа не создаёт ничего бесполезного, бессмысленного, просто мы сами не знаем, для чего предназначены. Понятие «смысл» тоже искажено человеком, который везде и во всём ищет собственной выгоды... А может, люди нужны только для того, чтобы накопить колоссальный заряд энергии, который, высвободившись, даст новый импульс развитию вселенной? Может быть, цивилизации, все, которые существовали и будут существовать, – это и есть *perpetum mobile!*.. Но неужели, она не могла бы справиться без нас?..*

Вечером дежурила Тоня – тихая, медлительная молчаливая. От её широкого лица в обрамлении тёмных роскошных волос струился мягкий свет и умиротворённость. Она никогда ни о чём не спрашивала и охотно позволяла не замечать своего присутствия.

Снятые с руки, тихо тикают часы на тумбочке. Из коридора послышались голоса, звуки телевизора и даже смех.

Тоня повернула голову, брови её удивлённо поползли вверх, но она встала и вышла, не проронив ни звука, – так хотел доктор.

Вся палата была погружена во мрак, только на тумбочке у изголовья стояла зелёная лампа, образуя на полу салатный неподвижный полукруг, прихватывающий кусочек постели и тумбочку, где тихо тикали часы. Теперь в этом полукруге возник доктор.

– Вы что – опять объявляете мне протест? – обычно мягкий голос доктора прозвучал нарочито резко.

Полная неподвижность узкого лица на подушке. Черты его заострились так, что, кажется, проведи по ним живой ладонью, – останется след. Доктор протянул руку, медленно провёл ею в воздухе ото лба к подбородку, ощутил лёгкое дыхание. Губы её шевельнулись, произнеся:

– Почему вы так решили?

– Я пришёл к вам – вы даже не обернулись.

Она молчала. Владимир Николаевич сел на табуретку в тени, направил на неё свет лампы, нажал какую-то кнопку. Свет часто, ритмично замигал. Некоторое время вспыхивание и угасание происходило при полном молчании. Бокс, изученный до последних намозоливших глаза мелочей, предстал вдруг чем-то иным, чем-то таким, что лишено определённого места в пространстве: это было похоже на сон или на ту степень задумчивости, когда перестаёшь видеть и слышать окружающее, идёшь, сам не замечая куда, ведомый единственной мыслью или даже не мыслью вовсе, а глубокой сосредоточенностью на том, что только после станет мысль.

Она уже догадалась, что это, но это не была ещё чужая власть, а просто своё, ранее дремавшее, а теперь проявившееся желание говорить. Она была уверена в том, что, если захочет замолчать – замолчит.

Теперь появился голос – спокойный, отрешённый. Он шёл из темноты, и вполне мог быть её собственным.

– Эсмеральда... Откуда это имя? Почему Эсмеральда?

– Ну, как вы не хотите поверить?

– Поверить чему, Эсмеральда?

– Тому, что я давным-давно всё делаю просто так, ни почему. Я с детства воображала себя цыганкой. Мне хотелось уйти в табор!

– Тебе и сейчас этого хочется, Эсмеральда?

– А что такое хочется? Я больше не знаю, что это значит. Мне хочется только того, что я могу исполнить или получить сию же секунду. Если мне не захочется сейчас говорить, я закрою рот и буду молчать. Если бы я так же, по своему желанию, могла перестать дышать, я бы это сделала.

– Тебя что-то тяготит? Расскажи мне...

– Не могу... Какая пустота, и этот снег за окном – белый и холодный... Зачем снег? А в Африке сейчас жара, и чёрные негры бегают по раскалённому песку, и море плещется у скал... Что, может русская душа так устроена? Но если русский человек подобен русской природе, то за зимой непременно наступит весна, непременно... Впрочем, какая я русская? Во мне украинская кровь, и польская, и азиатская... ещё бы цыганской! Да, наверное, есть и цыганская! Не может быть, чтоб не было. Наверное, есть... И всё такое тёплое. Не люблю, когда холодно! Не могу, когда такая пустота вокруг, и эти белые голые стены, и иней на стёклах – ничего не видно... Ведь это неправда, что человек, бегающий по песку под жарким тропическим солнцем, устроен и чувствует так же, как тот, на холодном ветру, под дождём... С точки зрения вечности люди бесполезны! На холодном ветру, под дождём, когда вот-вот взлетит самолёт... и автобус с жёлтыми фарами лучами разрезает тьму и... нет! Не вспоминать! Уберите свет! Я не хочу больше говорить!

Свет погас. И снова голос – тихий, вкрадчивый, баюкающий:

– Ты устала, но теперь всё позади. Тебе тепло, хорошо. Ты чувствуешь приятный покой во всём теле. Тебе хочется спать. Спать. Спать!

Вокруг всё стало гибким, обволакивающим, принимающим в себя, но она ещё старалась держаться на поверхности. Однако то, что было не она, делалось всё настойчивее, оно ласкалось и окружало, как разогретый морской песок, как мягкое тёплое облако, и она, наконец, отдалась ему полностью.

Доктор опустил ладонь на её лицо. Лоб у неё был влажный. К вискам тяжело приливалась кровь. Постепенно глаза его привыкли к темноте, и он увидел её лицо. В полумраке не различить было синяков и царапин, и оно белело – строгое и тонкое. Владимир Николаевич опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть её. Точёный профиль с изящным, плавно изогнутым носом, маленький, твёрдо сжатый и в то же время удивительно нежный рот. Он убрал со лба растрепавшиеся пряди волос и с напряжением всматривался в её лицо. На душе становилось тревожно. Нет, не похоже, совсем другие черты, но сквозь эти черты, как сквозь вуаль, с неумолимой ясностью проглядывало другое лицо... *Обман зрения или шутки исстрадавшейся памяти? Или я сам медленно схожу здесь с ума от боли и одиночества?*

Поднявшись с коленей, он медленно вышел из палаты и тихо прикрыл за собою дверь.

Как она сказала? С точки зрения вечности... Мне ведь не послышалось? Так говорила Марина. Это была её фраза, позаимствованная у меня. Не понимаю. Простое совпадение? Да, но это сочетание слов мне не приходилось больше слышать ни от кого за всю мою долгую жизнь, и при этом они так похожи... Что это – случайность или же это тот случай, когда внешнее сходство порождается сходством высших психических процессов?.. Или ты решила напомнить мне о себе? Но ведь я тебя никогда и не забываю.

5

В понедельник доктор появился позднее обычного, почти в полдень – бодрый, отдохнувший и, показалось, весёлый. Лиза даже удивилась про себя.

– Ну, вам лучше? – спросил он с порога.

Она посмотрела вопросительно – и не стала отвечать. Лучше помолчать, пока не станет ясно, что это с ним? И ещё как-то странно смотрит... ах, да – без очков. Тоже что-то новенькое. Скорее всего, его довольный вид имеет какие-то самостоятельные причины, но может быть узнал что-то? *у-у, разнюхал, как пить дать! И что теперь? вернёшь меня обратно?*

– Что же вы молчите? Хотя мне кажется, я и сам вижу: синяки ваши уже проходят и... Удивительно, за время моего отсутствия даже румянец появился?

– Поверьте, доктор, ни с вами, ни с вашим отсутствием это никак не связано!

Он довольно рассмеялся.

– Опять нападаешь?

Но как только он занялся своим делом, всё лукавство мигом исчезло, явственной обозначились морщинки, а взгляд стал тяжёлым, пронизывающим. Захотелось отвернуться, спрятаться куда-нибудь, залезть под одеяло с головой, но он не отпустил. Что-то опять спрашивал, смысл доходил с трудом, но опять, как и в прежние разы, дико захотелось говорить. И сразу как будто оборвалась какая-то натянутая струна, и всё тёмное под давлением этого взгляда стало выползать наружу. Она старалась удержать мысли, вести отсев, но что-то жужжало, мешая сосредоточиться, и она уже слышала собственный голос:

– Это тяжёлое время... Зима. Всё чужое, беспросветное – и нет никакого выхода. Безвременье – как в истории, смутное время, но история обязана пережить и продолжаться, а человек – нет, это его личное дело. Не надо притворяться, я знаю себе цену. Моя жизнь не стоит ничего. А если кто-то будет плакать, ну, и что? Переживания ещё лучше радостей, они надолго наполняют жизнь... в ценность которой вы всё-таки верите? Искренне? да, с возрастом, наверное, люди становятся благодуще, те, кто уцелел... кто уже пережил прошлые неверья. У меня постоянно болит голова, а вы «румянец». Какой вам ещё румянец?.. такие люди, как я, приносят вред. Кто-то уходит из идейных соображений, кто-то – обидевшись, из-за всяких там любовных драм, дурачьё! но у всех – причины. Одна я – без причин. Я прожила свою душу. Тело оказалось долговечней.

– Где же вред?

– Друг, равнодушие – дурная школа, слышали? хотя вы правы – болезнь не заразная. Доктор, вы же умный человек, чего вам надо? Уйдите, не вмешивайтесь! Меня не остановить.

Клешни разжались, пришло облегчение, сладкое до приторности, хотелось как будто что-то выплюнуть... Когда пришло полное отрезвление, рядом никого не было. А за окном – солнечный день. Солнце – и холод. Зима.

У чёрного хода суетились какие-то люди. Наверное, привезли обед. Боже, ещё одна условность.

6

Доктора любили все – и пациенты, и коллеги, и студенты аспирантуры, и обслуживающий персонал. Со всеми Владимир Николаевич был ровен, любезен, всегда спокоен и улыбочив, к больным внимателен. Для каждого у него находилось время и нужное слово, карманы его белоснежного халата всегда были полны сладостей, которые за день перекочёвывали оттуда к тем, кого он хотел подбодрить или приласкать. В научных кругах его уважали как высококлассного специалиста и талантливого учёного. И сам Владимир Николаевич любил людей и свою профессию, каждый неординарный случай он воспринимал как вызов, как великолепную возможность узнать что-то новое, чему-то научиться. Он был тем центром, вокруг которого вращалось всё в его больнице, энергией, знаниями и опытом которого питались остальные. Но иногда и этому колоссу бывало нелегко, иногда и ему нужна была чья-то помощь или участие. В такие моменты он старался побыть один, либо вызывал к себе Виктора Ильича, который постепенно из любимого ученика превратился в доверенное лицо и друга.

– Как вы, наверное, знаете, Виктор, – начал свой рассказ Владимир Николаевич, останавливаясь напротив окна и жестом приглашая своего молодого коллегу присесть, – в молодости я много сил отдал изучению природы гениальности. Я хочу поделиться с вами некоторыми мыслями и выводами, которые имеют непосредственное отношение к данному случаю. Талант – это некое сообщение, которое гений должен передать миру. Нам известно, что за развитие творческих способностей отвечает правое полушарие. Но оно же курирует работу сновидения, образное мышление. Иногда случается так, что сообщения, посылаемые правым полушарием таковы, что не принимаются левым по этическим, моральным, религиозным, гуманистическим и прочим соображениям. Ну, то же, примерно, что работа цензора в сновидениях по Фрейдю. Что делает человек? Он закрывает выход, запрещает себе творить. Не добиваясь того, чтобы реализовать себя через творчество, правое полушарие в этом случае реализует себя иначе – через депрессию и различные душевные расстройства. И тогда происходит то, чему мы имеем множество примеров... По этой причине жизнь многих талантливых людей обрывается трагически в самом расцвете сил... Вы знаете, Виктор, то, что в русской поэтической традиции принято именовать музой, в греческой традиции именуется даймоном... то бишь демоном в нашей транскрипции. Слово «демон» в своём первоначальном значении означает «исполненный мудрости». Изначально демонами назывались всевозможные духи, посредники между потусторонним и земным миром. Сейчас демон ассоциируется со злом, но в дохристианской, как и в нехристианской культурах демоны бывают и злыми, и добрыми. Существуют ещё и такие, которые творят и добро, и зло. Даймон в переводе с греческого обозначает «божественная власть», «рок», «бог». Даймоны посредничают между богами и людьми, между землёй и небом. Добрый даймон мог быть хранителем человека, и человек считался удачливым, если рядом с ним находился даймон, помогающий ему.

– По-вашему, все музы имеют демоническую природу? Я не согласен. Я знаю, конечно, несколько случаев, которые можно трактовать как одержимость, выражаясь языком церкви, но ведь есть же и другие примеры, и прекрасные, позитивные произведения творческих людей. Не хотите же вы сказать, что искусство по своей природе демонично?

Владимир Николаевич улыбнулся. Улыбка эта была такой мягкой, доброй и всепрощающей, что полемическая горячность Виктора мигом улетучилась.

– Давайте разбираться дальше. Творческий человек обнаруживает внутри себя некие образы, которые хотят воплотиться. Давайте пока оставим в стороне вопрос о том, как эти образы туда попали, то есть вопрос о вдохновителе – музе ли, даймоне или чем-то ещё... Остаётся вопрос миссии: нечто, просящееся наружу, должно быть реализовано, иначе нереализо-

ванное произведение убивает, разрушает своего творца. Закономерность очень жёсткая! Либо выполнение миссии, либо гибель. Следовательно, было бы правильнее дать этим творениям жизнь – переосмыслив, переработав, в приемлемой для данного человека форме. Я бы даже рискнул сказать так: автор должен дорасти до своего произведения. Позволю себе небольшое, но полезное отвлечение. Знаете, мне часто помогает в решении различных проблем знание иностранных языков. По-английски «понять» – understand, то есть, в буквальное переводе, «стать ниже», «спуститься», то есть до этого надо находиться выше этого явления или предмета, иначе – куда же спускаться? Для того, чтобы что-то понять, надо быть выше этого, вне этого... Вот именно в этом и состоит мастерство и мера ответственности творца. Он получает «сырой» материал, а сделать из него произведение, приемлемое для человечества – вот вам задача. Теперь вернёмся к вопросу о музе... Допустим на мгновение, что это – демон, то есть падшее существо. Но что есть падшее существо? Ничто иное, как вчерашний ангел. Его падение – от него самого, а вот его дары – от Создателя, то есть изначальная природа таланта всё-таки божественна и созидательна... Не зря говорят древние: человек есть мера всему. Его задача – очистить дар от злых примесей, пережить, переплавить – и вернуть Творцу в прекрасном виде. Такое искусство служит Добру и оно – непобедимая сила.

Виктор слушал молча. Его, как всегда, поразила сила мысли профессора, а от вырисовывающихся перед его мысленным взором далёких перспектив захватывало дух.

– Что мы имеем сейчас на руках? – продолжал между тем Владимир Николаевич, – бедное, больное, искалеченное, при этом несомненно одарённое человеческое существо, которое утратилось самоё себя, своих неизведанных глубин. Нам предстоит исследовать эти глубины вместе. При этом ненасильственно. А это, Виктор, уже искусство, которому я бы и хотел, чтобы вы обучились. На лекциях научить этому нельзя. Это штучная работа. Поэтому я и настаиваю, чтобы мои ученики присутствовали при обходах, а также на некоторых сеансах, на некоторых, подчёркиваю, потому что на первом месте у меня всё-таки пациент. Здесь и скрыто самое большое «но» нашей работы – в особых случаях, то есть именно таких случаях, которые представляют наибольший интерес, я вынужден работать один на один.

– Но существует же техника!

– Нет, Виктор, нет, это в вас говорит неопытность! Нет на свете прибора, точнее и чувствительнее, и удивительнее, чем прибор под названием человек. Когда, даст Бог, вы будете иметь за плечами такой же опыт работы, как и я, вы поймёте, что подлинная искренность со стороны пациента возможна только в ответ на подлинную искренность со стороны врача. Конфиденциальность должна быть абсолютно реальной, а не мнимой. Врачебная тайна – то же, что и тайна исповеди. Если врач начнёт играть с пациентом, подсознание пациента начнёт играть с врачом, и вы никогда не добьётесь результата. Врач должен расти, Витя, запомни! Растить, как личность. На сегодня всё.

– Виктор Николаевич, один вопрос.

– Да?

– А разве нельзя собрать группу одарённых людей, чтобы изучить эту самую природу их муз?

Доктор улыбнулся молодому задору Виктора, его наивности, но это было очень светлая улыбка – давно ли и сам он был таким?

– Нельзя, Виктор. Тут тайна творчества. Если вы начнёте копаться в душе живого гения и нарушать приватность его общения с высшей силой, всё исчезнет. Нельзя молиться напоказ! Не потому, что это неприлично, некрасиво, а потому, что это уже не молитва... Я тоже был молодым и горячим и рассуждал примерно, как вы, но мы убедились на опыте: талантливые люди каким-то шестым чувством знают об опасности внешних вторжений, и на подобный кон-

такт не идут, тем более на исследования... Увы... Но вы можете попробовать! Есть другой путь...

– Какой?

– Изучить продукт. Вот как раз этим вы и можете заняться, если вас увлекла эта тема. Продукт творчества предметен и обладает собственной жизнью – энергией и силой воздействия, а часто и судьбой. Ведь что такое талант? Можете дать ему краткое определение?

Виктор замялся. Ему мучительно хотелось произнести что-нибудь оригинальное.

– Талант – это способность переводить образы изнутри во вне, – произнёс он, наконец.

– Неплохо, молодой человек, неплохо, и вполне в контексте нашей беседы. Моё определение таланта совсем короткое: талант – это энергия. Произведение искусства – воплощённая энергия. И, вложенная в произведение, энергия эта совершает работу, не теряя силы своего воздействия с течением времени. Кстати, время тут тоже важный показатель, очень важный. Вот вам уже две характеристики! Сила воздействия и время воздействия... Да, возвращаясь к делам насущным, я распорядился повесить в боксе у Лизы несколько картин... Это работы моей жены. Думаю, что результат не заставит себя ждать... Знаете, Витя, может быть наша долгая память и любовь к гениям – это реакция благодарного человечества на этот род подвига. А это подвиг, да... Как они мучаются, бедные, живя среди нас, – Владимир Николаевич на миг прикрыл глаза рукой. Виктор хорошо знал этот его жест – в иные моменты доктор бывал очень чувствителен. – Я знаю, я видел... существа без кожи, существа странные, нередко бисексуальные, переживающие комплексы присущие и женщинам, и мужчинам, какой-то третий пол; существа, несущие в себе вселенскую скорбь, пропускающие через себя токи высшего напряжения, болезненные и опасные для физической составляющей человека, существа одновременно и очень сильные, и совершенно беспомощные, хрупкие и выносливые, вынужденные хранить свою совесть в чистоте, иначе замутняется их «воспринимающее» устройство... Вот что такое, Витя, дар Божий. Хотите иметь такой дар?!

Но собеседник потрясённо молчал. Сказать «да» было боязно, потому что в голосе профессора прозвучал пафос такой силы, точно он был уполномочен в ответ на это «да» произнести: «Возьмите!»

7

– Оля...

– **А я не хочу отвечать ни на какие вопросы. Не хочу!**

В квартире был беспорядок. «А может быть, порядок. С этими детьми ничего не поймаешь», – размышляла молодая женщина, остановившись перед зеркалом и рассматривая собственное отражение. На ней была мужская рубашка с завёрнутыми рукавами, короткие спортивные штаны, в левой, вытянутой полководческим жестом руке, половая щётка, а короткие светлые волосы были приподняты со лба закрученной жгутом косынкой. Она задумала уборку и, не откладывая в долгий ящик, занялась ею, продолжая размышлять: «Вон у соседей только двое, а когда ни зайдёшь, такое творится, что лучше вообще не заходить. А если уж зашла, смотри в оба и не забудь прикрыть руками голову, а то того и гляди что-нибудь свалится. В прямом смысле, без аллегорий, как говорит муж». Так ведь и случилось однажды, когда Оля зашла к ним узнать точное время, потому что дома остановились все часы. А ведь утром в семь ноль-ноль и не кому-нибудь, а ей: мужа накорми, детей в школу собери, младшего одень и с мужем в садик отправь, себя в порядок приведи и на работу, хоть там делать нечего, опоздать ни-ни. А тогда был вечер, телевизор уже не работал, да и время такое, когда добрые люди уже спят. Но соседи – другое дело. Так вот, зашла она к ним, а дочка их младшая, Наташка, за матерью в коридор выползла, забралась под вешалку, дёрнула за какую-то верёвочку, и тут на ничего не подозревавшую Ольгу слетела металлическая коробка с клубками и торчащими во все стороны спицами – плечо и руку оцарапало, по голове бабахнуло, спасибо хоть глаза не выкололи. Ну, то что из брызгалки пару раз полили, да ещё тогда, когда в выходном платье была, и считать не стоит. Однако с тех пор, заходя к соседям, Оля была осторожной.

Итак, беспорядок, беспорядок... а день – суббота. В воскресенье обычно свекровь в гости появляется на своей машине. Хорошая женщина, только если в квартире что-нибудь не так, она едва порог переступит и в комнату не войдёт, и на диван не сядет, если разглядит хоть мусоринку. Конечно, кто ж ездит к родным – к собственному сыну! – в таких роскошных туалетах? Ай, ссор с некоторых пор не устраивает, на подарки не скупится, с внуками иногда соглашается посидеть, деньги со скрипом, но даёт... Чего ещё надо?

А надо было Оле ликвидировать недельную неразбериху, приготовить для мужа что-нибудь вкусненькое к чаю, да и себя в порядок привести. Мужа с детьми отправила к друзьям, наказав до вечера не возвращаться. Сама она по преимуществу домоседка. Вот так, в спокойной обстановке, побыть дома одной, подумать, включить музыку, не торопясь, вычистить, вытрусить всё до блеска, потом принять ванну, без суеты продельвая операцию за операцией и, когда, наконец, всё наносное схлынет, и ты покажешься самой себе чуть немного усталым, но совершенством, – одеть на себя что-нибудь необычное, сесть с книжкой в уголке мягкого громадного кресла под торшером... Ух ты! Даже дух захватывает! И почему бы им не приехать завтра утром?

Оля размышляла, автоматически делая привычное дело. Постепенно приняла нормальный вид детская, за ней – большая комната. Остались спальня, коридор и кухня.

Самое невообразимо-мусороное место во всей спальне, да, пожалуй, во всей квартире, – это рабочий стол мужа, этакая огромная куча разнородного хлама. Оля принялась методически разбирать бумажки, раскладывая их на три стопки, одной из которых надлежало отправиться в мусоропровод, в другой оказалось то, чего нельзя было касаться «под страхом смерти», как любит повторять Андрей, в третью она складывала всё, с чем не знала, как поступить. Вообще-то ей и самой не была присуща та степень аккуратности, которую она требовала от мужа и детей, и раньше, особенно в юности, она умела устраивать беспорядки не хуже маленького

Сережки, и существовала в них неделями, а то и месяцами. Но если теперь в большой квартире на четырёх гавриков не будет ни одного аккуратиста, то что же вообще получится? Короче, пришлось менять установившиеся привычки – семья есть семья.

О, а это что за бумажка? Ни о чём не подозревая и всё ещё пребывая в прекрасном настроении, Оля развернула розовый, со странным, чуть уловимым запахом клочок бумаги и, пробежав глазами, отшвырнула, будто обожглась. Ой! Надо же, что время делает! Она совсем забыла... И это верно, верно, потому что – хватит уже с неё! И кроме того... Оля даже руку ко лбу прижала, усиливаясь вспомнить: ну, конечно же, она так и видит, как опускает эту бумажку в мусорное ведро и прикрывает крышкой. Как же эта негодная писулька могла оказаться на столе Андрея? Не могла же она сама оттуда выскочить? Да и этот запах, хоть и выветрившийся, но вполне узнаваемый запах помойки. Фу! Может, дети? Но почему записка очутилась на столе у Андрея? Ведь детям «под страхом смерти» запрещается подходить к столу и что-либо здесь трогать... Ладно, но видел ли её Андрей? Что, если прочёл?.. Ай, видел – не видел, какая разница? Хватит уже всех этих глупостей!

Оля подняла записку, поставила ногу на стул, расправила бумажку на коленке и ещё раз спокойненько перечитала. Там было всего две строчки, написанные мелким, ничуть не изменённым временем почерком: «Оля, я здесь, но скоро уезжаю. Возможно, далеко и надолго. Прошу, зайти попрощаться. Адрес прежний». Вот и всё. И подпись.

Оля ещё долго рассматривала этот более ничем не примечательный обрывок чего-то чужого и ненужного, даже враждебного, и как будто надеялась, что сейчас буквы переменятся местами, построившись в слова более-менее привычные и не требующие никаких перемен. А в этих было беспокойство. Ну, зачем, зачем? Жили себе – не тужили, и вот на тебе! Оля сложила записку и сунула её в карман. Что толку снова её выбрасывать? *Ну, я узнаю тебя! Ладно, приду, раз ты этого хочешь. Только смотри, не пожалей!*

8

– Нет, вы только представьте...

– А сколько ей было лет?

– Восемнадцать. Свет, да ты ж её знала. Помнишь, ты ещё сказала: «Ах, какая лапочка! Если б была парнем, влюбилась бы в момент!»

– Помню, помню, – подхватила Света, отжимая тряпку уже на пороге. Пол блестел как зеркало. – И что?

– Так вот я и рассказываю... Поехала она, значит, в Адлер с матерью, братом и бабкой, а бабка в прошлом – известная личность, актриса, между прочим. И вот эта девочка познакомилась там с какими-то, ну, ничего и ничего, сначала, нормальные ребята, а потом! Проиграли её в карты и убили, представляешь! Она пошла купаться, и под водой...

– Ой! какие страсти!

– А брат её этот на берегу ждал, ну, этот, он же хилый такой, почти уродец, вся красота сестре досталась. Ждёт её, ждёт, а она нырнула и не выныривает. Её под водой убили.

– Кошма-ар!

– Вот так-то, что делается... а вы – что это? Чему улыбаетесь? Думаете, вру? – обе девушки с недоумением уставились на больную.

– Нет, Вера, не беспокойтесь.

– Так что же здесь смешного? Человека убили, это, по-вашему, смешно?

– Не смешно и не ужасно. Просто жизнь.

Девушки переглянулись – Светлана растерянно, а Вера возмущённо – и вышли из палаты.

– Видела? – тут же заговорила Вера. – Извергиня! Такая сама убьёт, кого хочешь и глазом не моргнёт. Вот попомни моё слово – все мы тут дураки! Её, небось, давно уже разыскивает интерпол или кому там следует, а мы ей тут – укольчики, музыку, то да сё, а она над нами же и смеётся. И Володя, между нами, ведёт себя очень подозрительно. Не первый день здесь работаю. У меня на такие дела – нюх! И я даже не удивлюсь, если здесь какая-нибудь государственная тайна. Может, она международная шпионка?

До этого момента Света слушала, открыв рот, но тут не выдержала:

– Да ну тебя, Верка, у тебя все – то воры, то жулики, теперь уже и шпионки появились!

– А почему, думаешь, Володя просил быть с нею осторожными и всё ему докладывать? Даже, что во сне шепчет. А она, между прочим, ничего и не шепчет – то ругается, то кричит, как резаная. А ещё, – тут Вера перешла на шёпот, и Светино невинно оттопыренное ухо припало к самым её губам, – однажды ночью она всё кого-то уговаривала, что б не умирал, и повторяла: это не я! это не я!

Света чуть не вскрикнула, но вовремя прижала к губам ладонь. Она работала здесь недавно, но уже усвоила, что кричать, громко разговаривать или смеяться работникам здесь не полагается.

– Ой, мамочки! А я же в ночь! Верка, зачем только сказала!

– Никакие не мамочки, такая наша работа, то ли ещё терпеть приходится! Но главное, я тебе скажу, ты швабру позади себя не оставляй и спиной к ней не поворачивайся, держи, значит, в поле зрения... Да и зачем мы ей? Ну, ладно, я домой пошла. А ты зайди к Володе и всё ему перескажи! Ну, всё, счастливо!

– Вер, а как же я ему перескажу, ну, мы такие разговоры завели – при больных такие ведь не положено?

– Ладно, сама расскажу. Ты Володю не бойся! У него вид строгий, но он всё-ё понимает, душа-человек. Вот только врать ему не стоит – всё равно всё узнает, как было. А так – так простит. Мы ж тоже люди, не роботы!

9

– Я для себя делал кое-какие записи, в основном, специального характера, но вскоре появились и другие. Вот, прочтите, это может вас заинтересовать.

Из записок врача:

«У Лизы нет заметной реакции на людей. Она со всеми разговаривает так, как будто это один и тот же человек. Беда, что все мы для неё «чужие», а своих посетителей у неё так и нет.

Недавно спросил: «У тебя были галлюцинации?» Она сразу ответила: «Нет!», но я заметил, что ей очень не понравился мой вопрос. Похоже, я что-то подцепил, сделал шаг в нужном направлении. Эту женщину мучает что-то более осязаемое, конкретное, чем набор отвлечённых «не». Все мы чего-то не хотим, не можем, не желаем: но, если б каждый из нас по поводу своего фатального «не» принимал бы такие решительные меры, люди вымерли бы, как мамонты».

– Во-первых, надо говорить: «Здравствуйте»...

– И до свидания.

– Лиза, это грубо.

– Ах, скажите! Ладно, извините. Глупость. Всё время забываю, что вы на работе, а не у меня в гостях. Надоело мне делать то, что нужно! Служебный интерес...

– И это вам неприятно? Считайте тогда, что *вы* у меня в гостях. Давайте-ка я вас послушаю.

– А почему меня не переводят в общую палату? Сажу тут, как в одиночной камере. Я что – плохо себя веду? Делаю что-то не так?

– Лиза, не смотрите на меня так, как будто я вам враг на всю жизнь. Видите, даже на меня – здорового и подготовленного человека – ваши слова, поступки, взгляды оказывают воздействие, которое положительным никак назвать не получается. А у нас здесь больные, нервные, раздражительные, чувствительные люди.

– Это всё? Я исправлюсь, моментально. Мне надоело моё заточение. Я хочу, чтобы вокруг были люди! Чтобы они ходили, смеялись, говорили, да, я хочу!

– Какой капризный тон. Вот и давайте с вами поговорим.

– Да не с вами, а вокруг, вокруг!

– Гм, вокруг да около. Именно так у нас пока и происходит. Ладно, не трясите головой, как дрессированный мишка. Надо понять – сейчас я, только я могу вам помочь, но для этого надо чуть больше доверять мне. Давайте руку, будем мерить давление. Какая же вы худая, бледная! И давление мерить не любите. Почему? Это же совсем не больно.

– Зато неприятно, как будто кровь из тебя выкачивают.

– Что ж мне с вами делать?

– Пустите на волю, хотя бы погулять!

– Посмотрим... И когда вас слушают, вам тоже не нравится.

– У меня от глубокого дыхания перед глазами – круги, а трубка ваша – противная и холодная.

– Ладно, уговор: начнёте кушать, потолстеете, порозовеете, и я разрешу вам погулять, но только немножко, на улице сейчас холодно. Даже лёгкий вирус...

– И что? Я сразу умру?

– Дурочка, это не так-то просто. Я всё равно тебя спасу.

Она нахохлилась, отвернулась и опять провалилась в свою задумчивость.

10

Письмо в беспредельность, письмо в пустоту. Неужели, пусто? И тебя нет? Почему ни разу не сказала всего, что хотела? Ни разу не была с тобой тем, чего ты желал, и я знала, что ты желаешь... Конечно, теперь всё это – пустое и... не надо ни о чём думать! Не вспоминать!

Хорошо. Путь не конец – это глупое, ненужное слово... потому что зачем же нужно слово, которое обозначает ничто? А может, это самое нужное слово? Потому что конкретное, конец – это то, что всегда было и будет... все начала и концы, все концы без начал... «А когда наступит завтра, от вчерашнего сегодня не останется следа», помнишь?

Начала не помню. Клянусь тебе! Тогда это было так неважно. Ты – это было неважно. А конец...

В комнате царил полумрак, горела красная лампа. Он печатал фотографии, хотел успеть до её отъезда. И что-то говорил, «важное», наверное, но её это совсем не касалось. А он был увлечён, но потом заметил и сказал грустно, однако, старательно пряча свою грусть: «Опять ты из каких-то глубин. Ну, и как впечатление?» – «Никак». – «Не хочешь поделиться?» – «Нечем. Я – как сосуд без дна: всё, что падает, тут же исчезает, только по стенкам течёт, да и то – не внутри, а снаружи». Ей хотелось поскорее закончить, всё: и разговор, и печатанье, и саму эту встречу. Просто хотелось спать. И как-то не очень верилось, что ему это может быть интересно. Он просто исполнял однажды принятую на себя роль и... пытал, тянул из неё последнее.

«Ты почему-то любишь всё разделять на внутреннее и наружное. Ты придаёшь этому какое-то особое значение?» – «Конечно, в связи с собой» – «То есть? Ты, по-моему, и внутри, как снаружи, и, если б сделать наоборот, ты б ничуть не проиграла» – «Ошибаешься, миленький. Что ты знаешь? Внутри у меня всё изрезано, искорёжено, всё в шрамах! Если б случилось так, как ты говоришь, люди бы шарахались от меня, как от прокажённой, и это было бы справедливо».

И это был последний разговор! О чём говорили! Неправда! Она хотела его спасти! Или себя – от ещё одного шрамика? от царапинки?

Он успел крикнуть только имя и: «Я здесь!»

«Лиза, я здесь!» А потом... *всё! дышать-то хотя бы можно? Пошли вы все вон. Надоели, вот что...*

Какой тяжёлый, тёмный бред, как эти выси мутно лунны. Касаться скрипки столько лет – и не узнать при свете струны. Кому ж нас надо?...

– Что это вы шепчете?

– Доктор? Как вы подкрадываетесь! Я... молюсь.

– Вы? Это интересно. И о чём?

– Всё, что должно быть, да сбудется – и поскорее! Надоело ждать! – произнесла она замогильным голосом, а в конце рассмеялась.

– Та-ак, – Владимир Николаевич снял очки, повертел их в руках, исподлобья рассматривая её. – Что-то ты стала много улыбаться.

– Так уговор же!

– Какой уговор? Не припоминаю.

Лиза обнаглела окончательно и, как мальчику, лукаво погрозила ему своим костлявым пальцем.

– Ай-я-яй, доктор, нехорошо!

– Ты когда-нибудь будешь называть меня по имени-отчеству?

– А вы когда-нибудь отпустите меня погулять? и переведёте в общую палату!

– Ага, вот как раз по поводу палаты. Тебя ожидает один сюрприз. Спасибо, что напомнила.

...кто зажжёт два лика жёлтых, два унылых. И вдруг почувствовал смычок, что кто-то взял и кто-то...

И везде этот кто-то! А я-то его видела – не часто, всего несколько раз. Это было жутко. Нет, сам он совсем не страшный – красивый, молодой и такой нестерпимо уверенный в себе и в тебе – если он захочет. Наглый такой! Всё время со своей улыбочкой и напоминает... я никак не могу понять кого, но что-то очень близкое, нестерпимо знакомое. Кажется, ещё немного, и станет ясно, но я никак не могу, не могу вспомнить, только голова болит, просто раскалывается, если я об этом думаю, точно я нарушаю какой-то запрет. Он не желает быть узнаваемым, встречается в людных местах, за чьими-то спинами, растворённый в чьих-то улыбках...

– А ты могла бы его нарисовать?

...и всегда он стоял на дороге прощальной – из полуночной смуты, из мути зеркальной выходил с потемневшим лицом.

А если один на один? О, чур меня! Тогда это конец! Я боюсь его. Он дерзок и циничен, но непонятно до какого предела. Ведёт, ведёт за собой через толпу, потом бросит, подстроив какую-нибудь каверзу, а когда кажется, что погибель и нет возврата – неожиданно появится вновь, проявляя великодушие, и спасёт. Но на него нельзя положиться!.. Просто какой-то мальчишка, вечный... Нет, уйти и от него, и от всех. Неужели нельзя хотя бы раз оставить его в дураках? Хотя бы раз, пусть и последний в этой жизни. Последний... Я жгу последнюю свечу. Шепчу последнее проклятье... Да, я не знаю, кто он, но я точно знаю, как его зовут, этого мальчишка. У него очень простое имя, всего три буквы. И это... это всё из-за него, это из-за него у меня ничего не получается с другими! Я даже сначала не поняла, что он – не человек. Когда увидела его первый раз...

– А когда это было, Лиза?

Когда-нибудь – наверное, уже очень скоро! – я увижу его так близко, как это уже было однажды... вы знаете, он вдруг вошёл и сел, он был немного пьян и очень весел, и взгляд его из отдалённых кресел пугающе-восторженно блестел...

– Ты очень любишь стихи?

– Я? Люблю?? Стихи??? – она начала безудержно смеяться, и доктору пришлось оставить её в покое.

11

– Кого-кого? – переспросила нянечка и просунула голову в маленькое окошко, – повторите-ка ещё, что-то вас совсем не слышно.

– Ни-коль-ску-ю!

– Да разве у нас есть такая? Вот Максимова, знаю, есть, в третьей общей, а вот... как этого?

– Никольская Лиза, мне сказали, что у вас, что её на скорой...

Нянечка просунулась обратно, задумалась, с головы до ног оглядывая стоящую перед ней женщину, и вдруг как озарилась:

– Ах, Лизу! Смеральду нашу... то-то! К ней же никто не ходит. А вы не сестра? Что-то с лица похожи.

Нянечка – невысокая и нескладная, как старый бабушкин сундук, однако резвая на своих коротеньких кривоватых ножках – впустила женщину в приёмную для посетителей, где стоял обтянутый чёрной кожей, похожий на гроб диван и два таких же мрачных кресла, а сама скрылась за белой массивной дверью. Дверь захлопнулась глухо, будто навсегда. За ней – тишина. Женщина сняла перчатки, поправила воротник и волосы, выбившиеся из-под белой вязаной шапочки. Движения её были скоры и суетливы, как будто она боялась, что вот-вот появится кто-то, застанет врасплох, но никто не шёл, и белая дверь по-прежнему оставалась закрытой.

Из записок доктора: «Всю свою сознательную жизнь я искал длительных циклов, дальних целей, деятельности, стимулы которой лежат во мне самом, а не во внешнем мире. Эти поиски выражались и в хобби – занятия альпинизмом; теория медицины, программирование, исследование природы гениальности; цвет и свет – психологическое влияние, мистический и символический смысл, наконец, цветотерапия – как практический метод. Человек живёт и действует только собственными стимулами, даже когда жертвует жизнью для других. Он не может иначе. Он будет несчастен, если иначе. Несчастен до несовместимости с жизнью. Поскольку...»

В дверь постучали.

– Да-да!

– Владимир Николаевич!

– Что там?

– Пришли к этой... к Лизавете-то.

Через минуту посетительница уже сидела в кабинете главврача.

– Ну, как вас зовут?

– Оля... Ольга Александровна.

– Я вас, Ольга Александровна, старше порядком, так что, если не возражаете, то будьте просто Оля, согласны?

Она кивнула, с некоторым удивлением разглядывая сидящего перед ней мужчину в белом халате. Седой, в очках, а такой красавец! Она улыбнулась, свободнее располагаясь в удобном кресле и уже не жалея о предпринятом путешествии.

– Так. А кем вы ей приходитеесь?

– Лизе? Подруги. Вернее, раньше были. Я её давно не видела.

– Как давно?

– Ну-у, – Ольга сморщила лоб и принялась водить по нему пальцем как-то по-детски и довольно беспомощно. Доктор видел, что она просто не может сосредоточиться, и решил помочь.

– Пять лет, вот сколько, – тут же выпалила Оля и удивлённо взглянула на доктора. Тот рылся в бумагах.

- Да? А что же вы теперь надумали... Простите, сколько вам лет?
- Мне? Двадцать семь... двадцать восемь!
- А Лизе?
- Тоже около этого, она немного помладше.
- Ясно. Что же вы – пять лет не виделись, а теперь решили посетить? И как вы узнали...
- Она мне записку прислала. А что с ней? Что-нибудь серьёзное?
- Оля, – Владимир Николаевич снял очки. Большие карие глаза в окружении сеточки морщин смотрели не строго, но со значением.
- Да? – откликнулась она, почему-то сразу проникаясь доверием и сознанием того, что этого человека надо слушаться.
- Давайте пока решим так: вы сейчас ни о чём не спрашивайте, а сами как можно откровеннее отвечайте на мои вопросы. И подробнее, не стесняйтесь – всё важно, ведь речь идёт о жизни человека. Вы сказали, что получили записку. О чём она?

После разговора, который продолжался с глазу на глаз около часа и изредка прерывался телефонными звонками или минутным погружением доктора в его записи, Владимир Николаевич лично проводил Олю до двери бокса и попросил:

- Потом опять ко мне, так?
- Та кивнула и толкнула дверь.
- Сильнее, – посоветовал Владимир Николаевич.
- За дверью голос был услышан и узнан.
- Доктор, кого вы там ведёте?
- Дверь отворилась, и в палату, близоруко щурясь, вошла Оля.
- Ты? Вот так-так! Привет, не ожидала! Сколько ж мы с тобой не виделись?
- Год и два месяца.
- Серьёзно?
- Нет, просто так сказала.
- Врёшь?
- Вру.
- Но ты сама надумала прийти?
- Сама. А ты рада?
- Ну, я рада, да.
- Ещё бы! Не скажешь же ты, что не рада, если я уже пришла?!
- Ну, и что рассказывать?
- Что хочешь, а можно ничего. Я и так всё знаю. Я слежу за тобой.
- Следишь?
- Да, и веду на тебя досье.
- Опять врёшь?
- Не знаю.

12

Из записок врача:

«Поскольку открытий в ближайшее время не ожидается, то меня интересуют только вечные вопросы: что есть истина? разум? взаимодействие человека и общества, человека и природы. Нарушение этих значимых связей – с обществом, природой – является, по моим наблюдениям, факторами риска – к проблеме суицида. Жизнь и смерть... переходный процесс – старость.

Ещё – познание самого себя. Это тоже вечная тема.

Обратимся к сиюминутной жизни. Наконец-то объявился человек из прошлого. Это я опять о Лизе. Оля. Она меня спросила:

– Скажите, а как я должна с ней разговаривать?

– Да так, как сочтёте нужным.

– Нет, я имею в виду – наедине? без свидетелей?

– А вам нужны свидетели? (кстати, этот бокс – под постоянным наблюдением, но об этом в моей клинике знают только трое; в нашем деле без секретов нельзя).

– Нет, просто... может, так положено.

– Нет. В данном случае – нет. Но если вы хотите...

– Ну, что вы! Я просто поинтересовалась.

Однако мне показалось, что она чувствует себя неуверенно. Колеблется или даже чего-то боится. Для себя: я не должен безусловно доверять её словам. Она показалась очень старательной, но интуиция и опыт говорят мне, что такое поведение более характерно для человека, который знает больше, чем намерен сообщить. Впрочем, пять лет, и свидание в таком месте, – могу и я ошибаться!

Ольга расхаживала по небольшой палате, избегая смотреть Лизе в глаза. Разговор не клеился, да и не было желания его «клеить» у обеих сторон. Лиза просто лежала, наблюдая, как её подруга с наигранным оживлением хватается за различные предметы, извлекает какие-то бумажки, что-то говорит, говорит...

– Ой, а это что? – вдруг спросила Оля.

Лиза приподнялась, взглянула – в руках у Ольги была фотография, извлечённая из книги. Щурясь, она поднесла её к глазам.

– Ой, это же Пашка! Пашка, да? Как он?

Ольгино лицо оживилось, стало девчоночьим, милым, совсем таким, как в юности, как тем особенным летом. Лиза улыбнулась в ответ, как и Пашка – с фотографии.

– А вот всё время глядит на меня и улыбается.

– Ну, это ясно, – усмехнулась Ольга. – Сам-то он как? Где? Чем занимается? Ну и вообще...

– Его уже нет.

– Что-о?!

– Не кричи. Нет. Он умер пятнадцатого декабря от заражения крови.

В Олиных широко распахнутых глазах показались слёзы. Всё отошло. Не было уже этих пяти лет не-вдвоём, так чувствовала Лиза, но Ольга странно смотрела на неё.

– Ты? – произнесла она, наконец.

– Наверное.

Ольга сжала побелевшие губы и, схватив сумку, выбежала из палаты.

«Нечего было притворяться всю жизнь», – устало подумала Лиза, опять устраиваясь на кровати. В виски безжалостно стучало, ломило, как будто там билось в предсмертных судоро-

рогах сильное змеевидное существо, запертое в тесном пространстве и страстно рвущееся на волю. И ведь вырвется когда-нибудь. Она заломила руки за голову. Взгляд упал на фотографию. Пашка по-прежнему смотрел на неё и улыбался.

«Ничтожества! Ничтожества! Ничтожества! Я себя так иногда ненавижу, что начинаю всех вас презирать!»

Кто-то вошёл. Перед глазами качнулось белое, но внутри происходила такая свистопляска, что она не могла различить.

– Лиза...

Доктор. Узнала по голосу.

Всё бешенство, вся ненависть, вся эта живущая внутри тёмная сила собралась в маленький свинцовый шарик – ядро, готовое к запуску. Неуправляемая стихия сейчас легко поддавалась ей. О, в такие минуты она умела отлично владеть собой. Теперь эта сила была не боль, а оружие, потому что имела цель. Эта цель мелькала перед глазами, сучила ручками и ножками, что-то пищала.

– Какое у вас было любимое занятие в детстве?

– В детстве? Гулять по кладбищам, останавливаться около старых, заброшенных могил, читать остатки сохранившихся надписей и думать о тех, кто этих надписей никогда не читал.

– Да? А врать вы не любили? Это что? – доктор взял в руки фото.

– Это? – она странно усмехнулась, глаза порыжели, вспыхнули зловещим жёлтым огнём. – Доктор, вам хочется жить?

– Разумеется, дитя моё, разумеется! – он даже протянул в воодушевлении руки, но услышал тихое, как скрип двери дома, где давно никто не живёт:

– Тогда оставьте меня... Уйдите!

Часть II Весна

Каждый человек имеет историю своего развития.

И страшно, и легко, и больно.

опять весна мне шепчет: встань!

– Да, сначала дело шло очень туго. Я не любитель насилия, к тому же этот метод требует большого напряжения и энергозатрат от врача, а у пациента оставляет чувство опустошённости. Это была экстренная помощь, но пользоваться гипнотическими методами и дальше было опасно. Лучше, если бы она начала открываться сама. Но говорить она по-прежнему не хотела, и мы решили попробовать арт-терапию. Дали ей бумагу, краски... правда, вначале она довольно упорно пользовалась только простым карандашом. Но как мастерски! Я любил наблюдать, как из-под её руки рождались мимолётно странные, иногда страшные, но всё равно прекрасные в своей гениальности и технически совершенные образы. Казалось, она даже не задумывается, а карандаш сам собой скользит по бумаге, точно обводя уже ранее нанесённые линии. Такое завораживающее зрелище, поверьте. Правда, сама она не любила, чтобы за ней наблюдали.

– И что, что он дал вам, этот метод?

– Во-первых, мне было интересно взглянуть на её рисунки с чисто медицинской точки зрения. Мы работаем в такой области, когда действительное отклонение, болезнь бывает трудно выявить, трудно отличить от временного расстройства... Простите, отвлекусь. Вы когда-нибудь задумывались об этимологии и семантике этого слова: «расстройство»?

– Об этимологии?.. Ну, да, конечно. Рас-стройство. Три.

– Да, в этом слове содержится понятие о троической структуре человека: дух-душа-тело. В здоровом человеке все они должны действовать сообща в правильной иерархии сверху вниз, как и было названо. Но когда они рас-страиваются, то есть действуют разобщённо, как разлаженный механизм, мы приходим на помощь. Но одно дело – расстройство, какой-то сбой в работе. Другое дело – поломка. Тогда каждая из означенных составляющих требует своего специалиста. Терапевты работают с телом, мы и священники – с душой, а Господь Бог...

– Священники?

– Гм-гм, ладно. Не будем отвлекаться. Рисунки пациента дают столь обширную информацию, что я даже не берусь вам сейчас назвать все грани. Но: первое – они помогают выявить повреждение психики и, отчасти, степень этого повреждения, а в дальнейшем, как следует из самого названия, являются и одним из средств лечения... А, знаете, ведь Виктор был прав: мы оба действительно видели её раньше...

1

Всё выглядело каким-то необычным или казалось таким, потому что поезд был дополнительный, но ещё больше он походил на военный эшелон, заблудившийся во времени. С первого взгляда, как и со всех последующих, он не вселял радостных чувств, но вызывал уважение своими помятыми в боях боками и облупившейся от почтенного возраста краской.

Из всего поезда седьмой вагон был самым уникальным – с разбитыми стёклами, подвыпившей проводницей и всего одним занятым купе, в котором, как и в остальных в этом вагоне, не было занавесок, и не закрывалась дверь. Наверное, поэтому пассажиры чувствовали себя сродни потерпевшим кораблекрушение и выброшенным на малопригодный для проживания островок. Но именно вследствие этого между ними сразу возникла симпатия, породившая потребность в общении, и в наступившей темноте, под стук вагонных колёс, они вдруг почувствовали такую благодарность... к кому? друг к другу? или к случаю?

Пассажиров, как и полагается, было четверо: молодая женщина-преподаватель, ездившая навестить своих родных; представительный мужчина средних лет, возвращающийся из командировки, и мать с одиннадцатилетней девочкой.

Не было никакого знакомства, всё произошло само собой. Конечно, этому способствовала необычность обстановки и присутствие ребёнка.

Девочка – крепенькое, жизнерадостное существо с глазами, как весенние лужи, проявила редкую для своего возраста общительность, не имеющую ничего общего с навязчивостью или дурным воспитанием. Напротив, она легко включилась в поначалу беспредметную дорожную беседу, и вскоре все четверо разговорились, как старые добрые знакомые.

На столе появился чай, принесённый мужчиной из соседнего «трезвого» вагона, женщины достали свои сумочки и свёртки, откуда с типично русской щедростью стали извлекаться ароматная нежно-розовая ветчина, первые в этом году свежие огурчики, свежий, почти ещё тёплый хлеб, ряженка в маленьких баночках, яйца, печенье, конфеты...

– Мне, право, неудобно, – признался мужчина. У него был очень красивый, низкого тембра глубокий голос, да и внешность замечательная – высокий, кудрявый, волосы чёрные, с кое-где мелькавшей благородной проседью. – Думал, схожу в вагон-ресторан, как обычно, а тут ни вагонов, ни ресторанов.

– Подумаешь, – сказала девочка, – нам всё равно всего этого не съесть. Даже хорошо, что вы ничего не взяли, а то мама любит всех кормить. А когда всех нет, так меня одну. Теперь вот пусть вас кормит!

Все засмеялись, а мама девочки пожаловалась:

– Тебя накормишь! Маленькая ещё, а уже не справится. Как что-нибудь взбредёт в голову, так и всё. Хоть караул кричи. А вы кушайте, кушайте!

– Вы у нас за добытчика, чай вон принесли, – поддержала молодая женщина.

– Так это же хорошо, характер, значит, есть, – подытожил мужчина, крупными ломтями нарезая хлеб, и подмигнул девочке. Та тоже попробовала подмигнуть в ответ симпатичному дяде, но огромный глаз её не закрылся до конца, а соседняя бровь лихо подпрыгнула вверх. Она рассмеялась и пожаловалась:

– Вот всё уже умею: свистеть, на велике гонять – даже без рук, обруч крутить, по канату лазить и то научилась, а подмигивать не умею!

– Как же так?

– Ничего, научишься, было бы желание, – обнадёжила молодая женщина. – Я вот в школе работаю и заметила: желание всегда главное, надо очень хотеть – и тогда всё получится.

– Трудно вам в школе? – спросил мужчина. – Не слушаются?

– Нет, ничего. Только дети теперь пошли... циничные какие-то. Я старшие классы веду – физику, астрономию. Хотя если откровенно, мне их просто жаль – слишком много они всего знают.

– Так уж и много? Даже двойки ставить некому?

– Нет, я не о том. Двоек как раз хватает, но вот знаете, не было у меня телевизора. Я одна живу, получаю не так много, да и времени на телевизор нет. А подруги на работе заладили: как это так, современный человек, да ещё учитель – и без телевизора!? Ты ж от жизни отстанешь, будешь не в курсе, дети тебя засмеют! Ну, и всё такое.

– Убедили?

– Вот в том-то и дело. Взяла я этот телевизор напрокат. Как ни включу, передают то про ядерные испытания, то что кто-то опять довооружается, то какое-нибудь ЧП... или фильм – то всё равно бегут, стреляют, убивают.

– Ну, это вам просто не везло!

– Может быть. Я ж в основном информационные программы смотрела, а там каждый день – война, убийства, катастрофы, теракты. Лягу спать – и во сне то же. Просто страшно. Мне и жизнь стала не мила, аппетит пропал. Вот и дети мои: Наталья Сергеевна, зачем нам ваша физика, всё равно скоро ядерная война начнётся, и все погибнут. Пока у меня телевизора не было, я с ними спорила, была стопроцентной оптимисткой, и они мне верили, а тут я их слушаю, глазами хлопаю и не знаю, что отвечать. Выходит, вроде они правы, и двойки ставить жалко.

– Нам бы такую учительницу! – мечтательно произнесла девочка.

– А разве ты плохо учишься?

– Я? Нет. Вообще-то на пятёрки, но тогда бы можно было поменьше учить и сколько бы у меня было времени на мои дела!.. а так только чем-нибудь займешься, приходит мамочка с работы и сразу: «Как уроки?»

Она так артистично изобразила сценку, что все опять рассмеялись. Только учительница пояснила сквозь смех:

– Да, но теперь я телевизор сдала и живу спокойно.

– И опять ставите двойки?

– А как же – тем, кто заслужил.

– А какие это у тебя «свои дела»? – поинтересовался мужчина у девочки. Та неожиданно потупилась, и за неё ответила мама:

– Вы знаете, чем только ни занимается. Она у меня в двух школах – в общеобразовательной и в музыкальной. А в музыкальной – и скрипка, и фортепиано, и на том, и на другом инструменте заниматься надо. А она ещё рисует – приглашали в художественную школу, но – куда ещё третью! Вот она и рисует дома каких-то кукол из бумаги, вырезает и играет с ними – про всё забудет. Книжек начитается и разыгрывает... потом, куда ни ткнёшься, везде эти её уродцы. Танцует с пелёнок всё цыганочку – как цыганскую музыку услышит, так и пошла! Да и вообще музыку. И сама сочиняет – стишки, песенки. Всё? – мать благодушно взглянула на своё чадо, но та насупилась, спряталась в тёмный угол и оттуда пробурчала:

– Ещё пишу.

– Ах, а я не сказала? Да, что-то пишет по ночам в толстой тетрадке, это точно. И не показывает никому.

Мужчина смотрел всё внимательней.

– И при таком разнообразии интересов кем же ты собираешься стать?

Девочка не отвечала.

– Наверное, актрисой? – не утерпела учительница, с любопытством рассматривая маленькую пассажирку, с которой вдруг произошла такая разительная перемена: из улыбчивого,

открытого и милого ребёнка она превратилась в замкнутую безголосую тень. И опять мама ответила вместо неё:

– Да вы знаете – удивила всех нас. Она ещё в детсадовском возрасте всё решала вопрос: кем быть? Но всё обыкновенные детские мечты: то воспитательницей, потом вдруг балериной, потом – милиционером, потом – отшельником с домом в лесу и кучей животных, потом – цыганский табор, художником, скрипачкой... ну, я уже и не помню, кем ещё. А тут вдруг заявила нам с отцом: я буду кинорежиссёром – и точка. И теперь она у нас режиссёр и так вдолбила это себе в голову – просто не знаем, что делать! У меня, знаете, тоже профессия не женская – главный механик крупного предприятия, сто восемьдесят мужчин в подчинении. Думала, хоть дочка поживёт спокойно. Да у нас в семье все с техническим уклоном. Даже не знаю, откуда она это себе выдумала!

– Я не выдумала, ма. Это само пришло. И так будет!

Слова девочки, прозвучавшие с неожиданной убеждённой уверенностью, заставили всех на время замолчать.

Первым заговорил мужчина – спокойно и очень благожелательно:

– Это хорошо, когда есть желание и уверенность. Но ведь и мама права! Представь: ты вырастешь, у тебя будет семья – муж, дети, да, не улыбайся, так обычно и случается со взрослыми людьми. Так уж заведено. А ты будешь всё время занята, будешь нервничать, мало бывать дома – так и мужу будет тяжело, и дети не могут расти без материнской заботы и участия. Разве это для тебя неважно? Ты подумай, подумай. Я ведь тебя не отговариваю.

– И правильно делаете: всё равно ничего не выйдет. Любовь Орлова, например, тоже занятым человеком была, и Лариса Шепитько, а мужья их вон как любили!

– А-а, Любовь Орлова! Вон что...

Опять всем стало весело: смеялась и девочка, и её мама, и молодая женщина-учитель, вспомнив себя такой же.

– Тогда, значит, с нами в купе едет будущая знаменитость? Надо мне тебя запомнить. Гладишь – и впрямь!

Глазёнки девочки блеснули дикой радостью и она, застеснявшись, со смехом спряталась за маму, но оттуда изрекла:

– А первый фильм у меня будет про инопланетян. Я верю, что они существуют и даже очень высокоразвитые, но почему-то к нам не прилетают, так? Я много об этом читала и думала тоже. Может, они в своём развитии доходят до такой точки... то есть, сначала надо знать, что все цивилизации развиваются, потому что есть борьба двух противодействующих сил. Иначе развития не будет. Но происходит... фу, приходит такой момент, ну, что-то вроде как у нас сейчас, не обязательно такими же средствами, но в общем какая-то катастрофа. Вот. А потом всё сначала. Вот поэтому они и не могут никак до нас добраться. И мы не сможем. Вот такой фильм.

Она выглянула, желая узнать впечатление. Молодая женщина улыбалась, мама удивлялась – она впервые увидела свою дочь как бы со стороны, и ей даже не верилось... Мужчина задумался, потом спросил:

– Что ж, по-твоему, так-таки и нет другого пути – ни для развития, ни для встречи? Невесёлая картина, – спросил и тут же заговорил о своём, о взрослом:

– Знаете, я много езжу, много, где бывал. Меня пугает другое: не техническая катастрофа, а состояние людей. Всем правят деньги. Мельчают люди, мельчают. За деньги – можно всё, до курьёзов иногда доходит. На Кавказе повели к одному в гости. Сидим, стол хороший, подаёт одна женщина. Красивая такая женщина, хотя уже и не молодая. А из-за занавески ещё одна выглядывает – молоденькая, так глазками стреляет! Я спрашиваю про первую: «Жена» – «Да, жена» – «А за занавеской – дочь?» – «Почему? Тоже жена!» Не успел удивиться, как появилась третья – ну, совсем ещё девочка. «Ну, это наверняка дочь!» – думаю, но на вся-

кий случай спросил. «Э, дорогой, зачем – дочка? Обидеть хочешь? Жена». Я говорю: а закон как же? Смеются. Всё по закону, генацвале – сиди, пей.

– Да что там на Кавказе! – подхватила учительница, – у нас разве лучше? Даже газеты читать не хочется. Ну, тут ребёнок.

Разговор продолжался далеко за полночь. Потом в купе похолодало, решили лечь спать. Стали устраиваться.

– А как же тебя зовут? – спохватился вдруг мужчина, обращаясь к девочке, но маленькая будущая знаменитость уже спала.

Перед рассветом на одной из станций мужчина помог выйти женщине с ребёнком. Пока он снимал сумки, женщина благодарила его, а девочка, стоя на подножке, сонно хлопала глазами. Он взял её на руки и, опуская на перрон, неожиданно крепко обнял: «Береги себя!»

Новый год в больнице. Смешно... Я так устала жить!..

Отчего женщины так жалостливы? Мне кажется, я погубила тебя своей жалостью. И только ли тебя? И мимо скольких я проходила, даже не замечая?

Пашка... с ним было так хорошо.

Я устала. Устала от всего. Я всё время думаю... думаю о том, как бессмысленно наше пребывание на земле. Никакого смысла в жизни нет, но человек так создан: ему надо чем-то заняться, чтобы оправдать своё существование. Всякое человеческое знание конечно именно потому, что имеет смысл. А жизнь смысла не имеет, отсюда противоречие – мучительное для многих, убийственное для некоторых. Однако, есть же счастливицы, которые этого даже не замечают!

Смысл – это ЗАЧЕМ? Затем только, чтобы рождались другие, которые снова будут ломать голову над этим же, пока окончательно не сломают и не отчлвят навсегда в другие дальние края, предварительно дав жизнь следующим мученикам. Зачем трава? Она ничего не ищет, никуда не стремится, но тоже живёт, растёт... Зачем? Чтобы кормить корову, корова затем, чтобы кормить человека, а человек затем, чтобы всё это объяснить. Да-да, большие ни зачем, и этим заняты самые лучшие, другие просто копошатся в навозе! Взгляните, чем обрели бессмертие те, кого принято именовать великими. Всем всё объясняют! Смысла от этого не прибавилось. Многие из них провели жизнь в трудах и лишениях, служа человечеству, и что – стало оно от этого лучше? Нет, серьёзно? Или поумнело?... даже если и поумнело... ум – это бич. Если бы я была глупой, то, скорее всего, и счастливой.

А счастья всё-таки хочется вопреки всякому смыслу.

Голубые хрусталики инея затянули окно. Белые хрусталики снега покрыли землю. Серые хрусталики грусти точат моё сердце. Меня всё меньше и меньше...

– Паш, а если я приеду?

– Да ради Бога!

И так до самого конца.

А может, он просто знал, вот знал и всё, что у него впереди не сто лет и даже не сорок, и не хотел никакой грязи, ничего тёмного и ложного?

Я не понимала даже того, что он для меня значит. Последние страховочные петли отброшены, и я лечу в никуда.

А может, он просто знал?

2

В маленьком заснеженном дворике играли малыши. На скамейке сидела женщина – высокая, спокойная, яркие голубые глаза. Взгляд её обращён на меня. Мы условились. Это и есть Таня.

– Татьяна Сергеевна?

– Да, я.

Всё время надо что-то придумывать, изобретать – они не сидят на месте, эти дети! Вон их сколько, как грибов после дождя, под каждым кустиком. Хорошо, что Наталья Викторовна им что-то рассказывает, а то бы опять пристали: давайте поиграем! Так и бегай-прыгай с ними целый день, а тут ещё скоро конкурс песни. В новом клубе – только-только построили, это значит, опять мероприятие, подготовка.

Пионервожатая Таня была в опасении: ведь мало, что этих разбойников надо заставить подготовить несколько номеров от отряда, надо ещё какой-нибудь плакат нарисовать, чтобы не хуже, чем у других отрядов было. Это же очень ответственно! Или шишки для костра собирать. А они одно знают: играть! Или на речку! «Другие отряды уже ушли!» – это они кричат, а самих не видно – в траве притаились. У-у, «грибочки!» Значит, у других отрядов уже всё готово, – это она им отвечает. Резонно так. А они опять кричат. А над всем этим шумом – шелест лип, жаркое полуденное солнце, сладкое пение Пугачёвой: «Лето, ах, лето...» А они всё равно кричат. Такие настырные!

Речушка была маленькой, не речушка, а так, ручеёк, затерянный в зарослях ив и акаций. В одном месте заросли прерывались полоской мелкого речного песка. Визг, плеск, радостные крики, невнятная строгость воспитателей. Речка протекала сразу за оградой лагеря. Здесь – воля. И солнце, и горячий песок (во, уже кого-то закопали), и вода, и брызги во все стороны. И всем весело. И все при деле.

Нет, не все. Один мальчик всё время сидит на берегу, в тени, в стороне от своих сверстников. «Из младшего отряда», – подумала Таня, рассматривая его. Из рукавов тенниски и из шортов торчали тонюсенькие загорелые ручки и ножки, не ножки, а веточки с припухшими бугорками колен. «А, это тот мальчик, который был болен. Из санатория!» – догадалась Татьяна. Говорили, что он пару лет не ходил и даже учился в специальной школе в Симферополе, где все уроки дети проводят, сидя в кровати. Танино сердце сжалось от сочувствия. Она подошла, накрыла ладонью худенькое плечико. Он поднял лицо – остренькое, из-под светлой панамы виднелись выгоревшие соломенного цвета волосы, глаза тёмные и живые до озорства, длинный нос, большой рот, но в сочетании – симпатичная неправильность.

– А ты почему не купаешься.

– Хочу!

– Чего хочешь? – не поняла Таня.

– Чего-чего... не купаться хочу.

– А-а... а как тебя зовут?

– Паша. Семёнов.

И тут же, словно эхо (бывают ведь в жизни такие совпадения, точно кто-то нарочно подстраивает!) бегущая от лагеря дежурная прокричала:

– Паша Семёнов из четвёртого отряда! К тебе приехали!

Мальчик вскочил и на своих худеньких ножках неожиданно прытко побежал к воротам, возле которых стоял высокий начальственного вида мужчина, полная привлекательная женщина и девочка-подросток в жёлтом открытом сарафане.

– Татьяна Сергеевна, совсем традиционный вопрос: как и когда вы познакомились? При каких, так сказать, обстоятельствах?

– О, давно, очень давно. Я была пионервожатой в лагере, училась уже в институте, кажется, после первого курса. А Лизе тогда было тринадцать где-то... Да, двенадцать-тринадцать лет. Они с мамой приехали навестить Лизиного двоюродного брата, потом мама уехала, а Лиза осталась у нас, у меня в отряде. Папин отец, её дядя, был большая шишка, он и строил этот лагерь, так что...

– И как вы потом подружились? Всё-таки, извините, такая разница в возрасте.

– Да, шесть лет, и тем не менее. Знаете, она меня сразу чем-то поразила. Даже не знаю, чем. Она была какая-то необычная, развитая не по годам. Иногда как скажет что-нибудь или взглянет, все и рот откроют. Взрослые только переглядывались. Она это замечала и взрослых всех игнорировала. Да, и меня тоже. И это тоже было странно. Другие девчонки чуть не передерутся из-за того, кому рядом сесть, делились со мной своими тайнами, мы с ними устраивали такие прогулки-посиделки при луне. Такой возраст, знаете, им уже хочется поскорее почувствовать себя взрослыми. Лиза тоже не была в стороне, она быстро со всеми подружилась и в остальном вела себя как самый обыкновенный ребёнок её возраста, вот только что, разве, взрослеть она не спешила. Но всё равно она была другая... и очень скоро это так ясно дало о себе знать! У нас в отряде был мальчик – Коля Шалей. Огонь, а не парень. Такой заводила в любом деле, хохотун и вообще мастер на все руки. Он у нас был командиром отряда, но мне не помощник, а одна морока: как где какая заваруха, так уж знай – это Шалей, все ниточки к нему! Он такой симпатичный был – спортивный, глаза карие, мягкий такой, бархатный взгляд, ресницы длинные и всегда улыбка. Родинок тоже много, но они его только украшали. Его весь лагерь любил от мала до велика. Старшие ребята уважали, малыши просто висли на нём, только и слышно везде: Коля да Коля. Ну, все мои девчонки, ясно, только о Шалее и вздыхали, но так, знаете, со смехом, с шуточками, «по секрету». Он со всеми ровно, никого не обижал, но и никого так уж слишком не выделял, пока не появилась Лиза... Она мне потом много чего рассказывала, всё пыталась меня уверить, что это была любовь с первого взгляда, что она потому и осталась, что встретила глазами с этим мальчиком... Может быть, не знаю. Но вот то, что я сама видела и помню. Это было уже на вторую неделю её в лагере. Наши взрослые мальчишки, первый и второй отряд, уехали в соседний лагерь на соревнования по футболу. Мы остались сами, женской половиной, и всё у нас было хорошо, спокойно, рады были отдохнуть от наших забияк и горлопанов. Все девчонки – при деле. Только Лиза слонялась по комнате такая печальная-печальная. Я думала, она заболела. Подошла к ней. И что меня тогда поразило: у неё в глазах была такая взрослая тоска... Потом кто-то крикнул: «Едут! Едут!» Девчонки бросились к окну. Коля шёл впереди и размахивал знаменем. И тут я услышала, как Лиза тихонько счастливо рассмеялась. Вечером за ужином она смеялась громче всех, а перед отбоем бегала по палате и кричала во всё горло, что она любит Шалея. Все думали, она шутит. Ну, кто это станет кричать о любви? Но это была именно любовь, самая настоящая, какой ещё даже у меня в мои девятнадцать лет не было, хотя были парни и встречи. Я ей даже позавидовала, представляете? И вот тут мы подружились. И как! С ней было интересно – она всё время фантазировала, рассказывала в лицах какие-то смешные истории и часто судила о вещах с такой стороны, что другому и в голову бы не пришло. И потом – она ещё пела. Это не то, что у неё был голос какой-то особенный, хотя и голос был, да, и довольно приятный. Но в её пении было столько чувства, что все мои девчонки плакали, а иногда и я сама,

хотя крепилась изо всех сил, мне раскисать перед моими было как-то неудобно. При мальчишках не пела, стеснялась, но они приспособились подслушивать под дверь или перед открытым окном – и пение, и все наши разговоры. Песен и стихов наизусть она знала море, так что иногда даже и говорила стихами. Да, один раз она, правда, спела перед всем лагерем на конкурсе песни чуть не в первый день – и заняла первое место, я даже и песню помню: «Соловьи, не пойте больше песен, соловьи. В минуту скорби пусть звучит орган. Поёт о тех, кого сегодня нет, скорбит о тех, кого сегодня нет, с нами нет, с нами нет». А Коля... конечно, он знал, что она в него влюбилась... А дальше был день, когда комната, в которой жила Лиза, номер восемь, дежурила по столовой. Это значит, что они ещё с вечера не играли со всеми, а чистили картошку, потом встали ни свет ни заря и целый день помогали накрывать на столы и мыть посуду. Одним словом, устали девочки. А мальчишки в тот день играли с первым отрядом. Шалей несколько раз посылал гонцов, просил, чтобы они пришли поболеть. Но восьмая идти отказывалась. Тогда он пришёл сам, но они всё-таки не пошли. Надо было накрывать на ужин. Потом отдохали в палате, и я с ними. Тут дождик начался... Я почему всё это так подробно рассказываю? Всё, как нарочно, выстроилось в одну цепочку. Лиза – она немного фаталистка, и я от неё переняла. Вообще в нашей дружбе, как ни странно, она на меня повлияла больше, чем я на неё. Так вот, сидели мы в палате, спокойно беседовали, в корпусе и в лагере тихо, потому что остальные все на поле. Вдруг какой-то нехороший шум в коридоре, всё гомоне, громче. Чует моё сердце: что-то случилось! Из девчонок кто-то выскочил в коридор. Я тоже, а там – столпотворение, весь лагерь собрался в нашем корпусе. Я всех растолкала. И в этот момент двое парней из первого отряда внесли Шалея на руках. Он был бледный и морщился от боли. Прибежал врач. Сказала: шины и срочно в больницу. Похоже, перелом. Так потом и оказалось, он ногу сломал. Вызвали машину, врач с ним. Весь лагерь столпился возле машины, прощались со своим любимцем. А он (надо же: в таком возрасте и такое мужество!) уже пытался улыбаться и острить. Я стояла рядом и видела, как он тревожно шарит глазами по толпе, всё ищет кого-то, ищет и не находит. Но мне в тот момент было не до того, чтобы наблюдать и делать выводы. Позже я узнала, что Лизы возле машины не было: она обливалась слезами у себя на кровати, так что подруги были напуганы, не знали, чем её успокоить и меня отрывать от Шалея тоже не могли. Колю увезли, а мы до самого отбоя провозились с Лизой – никак не могли её успокоить. Да и у всех тогда было подавленное настроение. Такой был парень – как будто солнышко зашло. А Лиза заявила, что убежит в город, в больницу к Шалею. И ведь она чуть не убежала на следующий вечер. Мы её перехватили, позвонили, вызвали родителей, и её забрали. Она оставила мне свой адрес, мы начали переписываться. Я сначала удивлялась её письмам, а потом про всё забыла – и про её возраст, и про то, что я уже взрослая, а она ещё ребёнок. Я всегда так ждала её писем! Она приезжала ко мне в студгородок каждый год. Потом на последнем курсе я вышла замуж, приглашала её на свадьбу, но она не приехала, потому что это был год окончания школы и поступления. Она приехала позже, ну, к тому времени я с ней уже так срослась душой, что она мне была, как сестра. Я так и Диме её представила: сестрёнка.

– А как закончилась эта история с Колей?

– А так вот и закончилась. Лиза ведь приехала издалека... И потом, знаете, у неё такая натура: она год о нём плакала, а потом... влюбилась в другого. Вы только не думайте, пожалуйста, что она мне всё рассказывала. Такого человека, которому она бы рассказала о себе всё, по-моему, на свете не существует.

3

Этот город – маленькое чудо, хотя в нём и нет ничего чудесного. Просто снег и тяжёлые ветви сосен, дорожки парка в белых следах. Или: прелые листья и особый запах чего-то безнадежно-грустного, навеки оставленного. Здесь всё родное, знакомое и – чужое навсегда. Меня здесь никто не ждёт, но почему я всё время сюда возвращаюсь? И почему тихий шелест упавшего листа слышится мне как вздох? Я знаю этот дом и это окно. Здесь когда-то жило счастье. Потом оно уехало, не оставив адреса, и я прихожу сюда, как погорелец на пепелище, как убийца на место преступления. Я прихожу сюда... Когда-то этот дом был отдельным и очень уютным семейным общежитием. Один из пяти или шести точно таких же корпусов. Теперь все они соединены висячими галереями из стекла и металла, а в середине взметнулось высокое здание с лифтом и охраной. Всё изменилось. Теперь другие студенты, весёлые и беззаботные, выбегают мне навстречу. Я не знаю их, они не знают меня. Всё прошло. Это же очень просто. Но почему я всё время возвращаюсь сюда? И каждый год – падает ли снег или кружатся листья, или летит по воздуху тополиный пух – стою под одним окном, смотрю на заросший травой старый вход с покосившимся крылечком, которое скоро разберут на кирпичи, и жду... Вот сейчас они выйдут и неторопливо, держась за руки и улыбаясь, пойдут мне навстречу...

Этот город, где меня никто не ждёт, единственное, что у меня осталось. Я брожу по его улицам, останавливаясь на знакомых перекрёстках и мне одной памятных местах, и думаю о тех, кого здесь уже никогда не встречу.

Я сказала, что не помню, как это началось... Ты не поверил мне? Правильно. Да, я соврала.

На улице мело, как в феврале. Дима продрог и устал, хотя лекций в этот день у него не было. Ещё накануне договорился с Татьяной, что будет печатать фотографии. Пока в электросамоваре грелась вода, он достал ванночку, сдвинул вместе два маленьких столика, сделанных им из спинок кровати; скатерть и клеёнку аккуратно отложил в сторону. Потом медленно и с наслаждением пил горячий кофе, предаваясь приятным размышлениям о предстоящей работе. У соседей, к счастью, было тихо, хотя чей-то сопливый Яшка всё же гонял по коридору на велосипеде, но это были уже мелочи. Потом он и вовсе забыл о чужом Яшке, задумавшись о своём собственном – сын? Дочка? В этот момент кто-то вошёл в коридор их распашонки. Осторожные шаги и («только бы не к нам!») стук в дверь.

– Да-да! – ответил Дима, оборачиваясь.

В комнату заглянула незнакомая девушка. Точно солнце выглянуло на миг из-за тучки.

– Здравствуйте. Я к Тане. А её нет?

– Дело в том, что Татьяна сейчас в институте. А вы кто ей будете?

– Я? Подруга. Я писала, что приеду. Она должна знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.